

Внебрачная дочь. Иоганн Вольфганг Гете

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король.

Герцог.

Граф.

Евгения.

Воспитательница.

Секретарь.

Священник.

Судья.

Губернатор.

Игуменя.

Монах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛЕСНАЯ ГЛУШЬ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король, Герцог.

Король

Гоньбою вспугнут, царственный олень

Принудил всех — людей, коней и псов —

Его меты держаться, пролежавшей

По кручам и обвалам. Я и сам

Не ведаю, куда нас занесло,

Хоть порскал здесь немало. Где мы, дядя?

Я этих мест не видел отродясь.

Герцог

Ручей, обдавший нас бурливой стужей,

Течет по землям твоего слуги,

Дарованным мне щедростью твоей

Как первому вассалу королевства.

А за хребтом лесистых этих гор

Таится домик мой, не для царей

Воздвигнутый, конечно, но готовый

Тебя принять и обслужить радушно.

Король

Дай под высоким куполом дерев

Нам кафедральным мраком насладиться!

Дай трепетной листве густую сеть

Вкруг нас сплести, чтоб звонкий шум охоты

На краткий час сменила тишь благая.

Герцог

Не правда ли, как дышится легко

Отгородившимся от бурь житейских

Нерукотворным этим бастионом?

Здесь не достигнет нас ни ропот черни,

Ни наглых трутней алчная ладонь.

Не углядишь отсюда, как тишком

К твоим врагам пристал неблагодарный.

Здесь шумный мир не потревожит нас,

Что вечно требует, трудов чураясь.

Король

Не надо бы напоминать о том,

О чем забыть стремится скорбный разум.

Пусть отзвук гула отдаленных бурь

Заглохнет и замрет хотя б на время,

Не лучше ль нам затеять разговор,

Достойный благодатного укрытья?

Здесь скромная чета гулять могла бы,

Любуясь на детей, больших и малых,

Тревог не ведая, здесь мог бы друг

Довериться отзывчивому другу.

Не ты ли сам мне намекнул на днях,

Как показалось мне, любезный дядя,

Что хочешь тайну мне открыть, поведать

Давно томящее тебя желанье

В надежде, что исполнится оно.

Герцог

Ты большую мне милость оказать

Не мог бы, мой державный повелитель,

Как развязать язык мне добрым словом.

Не станет кто другой внимать признаньям

Моим участливей, чем наш король,

Кому дороже всех сокровищ мира

Его родные дети. Лишь с тобой,

Мой государь, хочу я говорить

О радостях счастливого отцовства.

Король

О радостях отцовства? Неужель

Они тебе знакомы? Разве он,

Твой сын единственный, не омрачил

Строптивостью, распутством, мотовством

Твоей к закату близящейся жизни?

Иль буйный нрав его угомонился?

Герцог

От сына я не жду отрадных дней.

Его мятежный норов обложил

Весь горизонт грядую туч грозových.

Не он, звезда другая, свет другой

Открылись мне. Карбункулы мерцают

В пустынной тьме, по древнему поверью,

И разрежают мрак безлунной ночи

Нездешним светом призрачных огней.

Такой волшебный клад и мне доверен,

Счастливому! И я его храню

С надеждой, с робкой радостью, с тревогой, Заботливее, чем зеницу ока,

Чем жизни, мне дарованной, свечу.

Король

Не затемняй таинственностью тайну.

Герцог

Бестрепетно кто кается в грехе

Пред королем, не зная, претворит ли

Монаршья воля грех в источник счастья?

Король

И этот клад, от всех тобой таимый...

Герцог

То дочь моя.

Король

Как? Твоя дочь?.. Ужель, Подобно олимпийским божествам,

Искал мой дядюшка услад любовных

И радостей отцовства в низшем круге?

Герцог

Высокое и низкое равно

Порой повелевают нам молчанье.

Ах! слишком высоко она стояла,

Та, с кем связал меня всевластный рок!

По ней твой двор поныне носит траур,

Деля со мной снедающую боль.

Король

Ты — о принцессе, родственнице нашей

Почившей?

Герцог

Да. — Но дай мне слово молвить

О нашей дочери, что с каждым днем

Родителей становится достойней

Своею статью, благородством чувств,

Да будет прошлое погребено

С любимым прахом под одной плитою!

Ее кончина мне вернула право

Перед тобою дочь назвать мою,

Моля монарха до меня поднять

Ее и до себя; признать открыто

За ней права высокого рожденья

Перед двором, страной и целым миром.

В неистощимой благодати своей,

Король

Когда сестра, неведомая мне,

И впрямь все совершенства съединила

Родителей своих высокородных,

То должен двор и наш державный род

Приветствовать столь чудную звезду,

Взошедшую взамен звезды угасшей.

Герцог

Поговори с ней, прежде чем решать

Судьбу ее. Отцовым славословьям

Не доверяйся! Много ей дано

Благоволением самой природы.

Но я ее старался оградить

Со дня рожденья лучшими из лучших;

Наставницу усердную и мужа

Обширных знаний я приставил к ней.

Какими восхищенными глазами

Она взирает на творенье божье!

Какими красками рисует ей

Воображенье путь, ей предстоящий!

Отцу она всем сердцем предана.

И если дух ее день ото дня

Мужает, набираясь новых знаний,

То юный стан, чтоб крепость обрести,

В утехах рыцарских нужды не ведал.

Ты сам в пылу охоты наблюдал

За смелой всадницей, тебе безвестной,

Не далее, как нынче. Амазонка,

Что в реку бросилась вослед оленю

На взмыленном коне, была она.

Король

Хоть натерпелся страху я, мне льстит,

Что нашей крови Артемида эта.

Герцог

Не в первый раз я испытал в тот миг,

Как страх и гордость, ужас и восторг

Сплетаются в нерасторжимый узел.

Король

С уверенной отвагой борзый конь

Бесстрашную стремглав на берег вынес

В суровый сумрак зарослей густых

И с ней исчез бесследно.

Герцог

Только раз

Она еще мелькнула вдалеке

И в глухомани леса затерялась.

Бог весть, где носится она теперь.

Досадуя, что не удастся ей

Порфироносного ее кумира

Хотя бы издали еще увидеть,

Как то и подобает ей, — до дня,

Когда угодно будет государю

Признать за ней права принцессы крови.

Король

Что за смятенье вдруг объяло всех?

Все ринулись к подножию утеса.

(Подает знак рукою в сторону кулисы.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Граф.

Король

Без лишних слов скажи, что там случилось?

Граф

Наездница с кремнистой крутизны

В зияющую пропасть сорвалась.

Герцог

О, боже!

Король

Что с ней случилось?

Граф

Тотчас мы

Гонца послали за твоим хирургом.

Герцог

К ней! Что гадать? Коль нет ее в живых,

Ничто меня не связывает с жизнью!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Король. Граф.

Король

Как это было? Как стряслась беда?

Граф

Все на моих глазах произошло:

Большой отряд ретивых удальцов,

От прочих обособясь во главе

С прекрасной всадницей, вдруг появился

С той стороны лесистых этих гор

И слышат, чуют, видят, что олень

Добычей стал освирепевших псов.

И в тот же миг рассеялся отряд,

И каждый стал — кто тут, кто там — искать

Себе тропу в объезд разверстой бездны.

И лишь она, одна из всех, бесстрашно

Принудила коня вперед рвануться

С уступа на уступ ко дну обрыва.

Мы изумлялись дерзости такой,

Успешной поначалу. Но, ступив

С опаскою на край последней кручи,

Вдруг поскользнулся конь и сорвался

С утеса вместе с нею. Вот и все,

Чему я был свидетель. А потом

От глаз моих толпа ее закрыла,

И за хирургом послан был гонец.

Ты подал знак, и я к тебе явился.

Король

Лишь уцелела б дочь его! Опасен,

Кому на свете нечего терять.

Граф

Смертельный ужас вырвал у него

Былую тайну из душевной глуби,

Которую хранил он так ревниво?

Король

Он час назад во всем признался мне.

Граф

Как видно, смерть принцессы разрешила

Ему открыться в том, что для двора

И для страны открытой было тайной

Уж столько лет. Потешная черта!

Молчать и думать, что своим молчаньем

Мы в силах сделать бывшее небывшим.

Король

Не обойтись без этой нам черты.

Немало дел вершится на земле,

Каких огласке предавать зазорно.

Граф

Несут. Боюсь, она уже мертва.

Король

Ужасная, нежданная утрата!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Евгения — ее несут, как покойницу, на сплетенных из ветвей носилках. Герцог. Хирург. Свита.

Герцог

(хирургу)

Когда твое искусство, эскулап,

Усердный страж бесценного здоровья

Монарха нашего, чего-то стоит,

Так сделай, чтоб глаза ее раскрылись,

Их взор во мне надежду пробудил!

Дай хоть на миг воспрянуть мне душой

Из пропасти страданий безысходных!

А если ты лишь на ничтожный срок

Ей жизнь продлить своим искусством можешь, Так помоги мне раньше умереть,

Чем навсегда замрет ее дыханье.

Чтоб в свой предсмертный миг я вскрикнуть мог, Исполнясь верой: дочь моя жива!

Король

Уйди отсюда, дядя! Долг отца

Я на себя беру. Все, что возможно,

Он сделает — как будто перед ним

Не дочь твоя, а я лежу простертый.

Герцог

Пошевелинулась!..

Король

Правда?

Граф

Да.

Герцог

Глядит!

Бесстрастно на небо, вокруг смятенно.

Она жива!

Король

(отступив, хирургу)

Удвой свои старанья!

Герцог

Жива! Глядит разверстыми глазами

На божий мир! Дай срок, и нас узнает,

Отца родного, преданных друзей!

Ах, не туда ты смотришь, светик мой!

Ну что тебе до этих? На меня

Гляди, дружок, на своего отца!

Ужель не узнаешь? Пусть голос мой

Коснется первым слуха твоего,

Прервав безмолвие досрочной ночи.

Евгения

(чуть приподнявши голову и постепенно приходя в себя) Как мы здесь очутились?

Герцог

Нет, сперва

Меня узнай! Не узнаешь?

Евгения

Отец!

Герцог

Да, твой отец, которого из бездны

Отчаянья вернул твой милый голос.

Евгения

Где мы, отец?

Герцог

(которому хирург подал белый платок)

Не думай ни о чем, Доверчиво прими из рук отца

Платок, пропитанный целебной влагой.

Евгения

(берет от отца платок и покрывает им лицо, затем быстро встает, отбросив его) Все вспомнила — рассеялся туман!

Там мы стояли, там дерзнула я

Послать коня вперед ко дну обрыва.

Я сорвалась, и замертво меня

Снесли к тебе. Прости мне безрассудство!

Меня любить ты можешь ли еще,

Подвергшую тебя таким страданьям?

Герцог

Казалось мне, что я и прежде знал,

Какой бесценный клад доверен мне,

Но страх утратить счастье во сто крат

Умножил цену клада чудного.

Король

(графу)

Пусть все уйдут! Хочу поговорить с ней.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Король. Герцог. Евгения.

Король

Как всадница отважная? Она

Не пострадала?

Герцог

Нет, мой государь!

А если след безмерного испуга

Еще не стерся, ты сотрешь его

Целебной силой кротости своей.

Король

Какого рода-звания она?

Герцог

(помолчав)

На твой вопрос отвечу я признаньем,

На твой приказ — тем, что представлю я

Ее как дочь тебе.

Король

Как дочь твою?

Мой милый дядя, счастье одарило

Тебя куда щедрее, чем закон.

Евгения

Как не спросить себя: а вправду ль я

Из морока томительного бреда

Вернулась к яви жизни? Иди всё,

Что вокруг меня, обманный сон, и только?

Отец меня представил королю

Как дочь свою. Ужели это правда?

Но раз отец мой — дядя короля,

Тем самым довожусь я государю

Сестрой двоюродной?.. Прости меня,

Великий наш король! Прости за то,

Что, вырванная из глухого мрака

Безвестности, я — от обилья света —

Не знаю, как ступить и что сказать...

(Припадает к стопам короля.)

Король

Пусть знаменует твой земной поклон

Покорность непреложной воле рока:

Нелегкий долг смиренья ты несла

Безропотно немало горьких дней

Наперекор высокому рожденью.

Но пусть и этот час, когда тебя,

Подняв с земли, я к сердцу прижимаю

И твоего прекрасного чела

Отеческим касаюсь поцелуем,

Не меньшим будет знаменьем судьбы!

В тебе признал я кровь державных предков,

И вскоре всё, что вам поведал тайно,

Я пред двором открыто повторю.

Герцог

Столь щедрый дар нас обязует к вечной

И безраздельной верности тебе.

Евгения

Наставникам внимала я усердно,

А также зову собственной души,

Но говорить с возлюбленным монархом

И отдаленно я не научилась.

Но если даже не удастся мне

Все высказать, как должно, государь,

Молчать перед тобой мне не пристало.

Чем услужить, что дать тебе могу я?

Ведь даже скопища своих богатств

Ты подданным вседневно возвращаешь.

Здесь тысячи стоят тебе к услугам,

Здесь тысячи ждут знака твоего!

И если кто из них свой ум, и душу,

И кровь, и жизнь тебе отдать готов,

В толпе несметной он — ничто и в море

Безвестной каплей кануть обречен.

Король

Толпу ты грозной силой считаешь,

Дитя мое? Не стану отрицать:

Она сильна. Но сколь сильнее те

Немногие, что ей повелевают,

Ведут ее и властвуют над ней!

И если, по преемству, государь

Глава страны, то родичи его —

На страх врагам и благо королевству —

Ближайшие советники ему.

О, если б никогда в высокий круг

Сподвижников моих единокровных

Не проникал губительный раздор!

Я нерушимым королевским словом

Тебе отца сегодня даровал,

Мне близкого по крови. Сохрани

Для государя ум его и сердце!

Противников немало у меня,

Так пусть он их числа не преумножит!

Герцог

Чем заслужил столь тяжкий я укор?

Евгения

Как непонятны мне намеки эти!

Король

Не торопись досрочно их понять!

Все двери в королевские чертоги

Открыты для тебя. Ты в тронный зал

Идешь по плитам мраморного пола,

Дивясь потоку праздничной толпы;

И чаешь детским сердцем встретить здесь

Любовь, согласие, преданность престолу.

Увидишь ты другое! Мы живем

В такие дни, когда тебя король

Не на веселый праздник приглашает,

Будь даже он днем моего рожденья.

И все же, горьким думам вопреки,

Он мне сулит усладу! В этот день

Я назову тебя своей сестрой.

Все взоры обратятся на тебя!

По прихоти природы ты прекрасна,

А что до ценных тканей, бриллиантов,

Мы раздобудем их, отец и я.

Евгения

Нежданной радости невольный вскрик,

Слеза, дрожащая в счастливом взоре,

Не выразят безбрежного блаженства,

Каким ты душу всколыхнул мою.

К твоим стопам склоняюсь я безмолвно.

(Хочет пасть на колени.)

Король

(удерживая ее)

Не надо так!..

Евгения

О, дай же мне сполна

Блаженство преданной любви изведать!

Когда в часы безудержной отваги

Мы нерушимо верим в свой успех,

Всецело уповая на себя,

Нам кажется, что мы владеем миром.

Но сладостен и миг, зовущий нас

В немом восторге на колени пасть:

Все, что мы жаждем в жертвенном порыве

Отцу поведать, государю, богу —

Любовь свою и преданность до гроба,

Не выразить полнее, как упав

Перед тобой в молчанье на колени.

(Падает ниц перед королем.)

Герцог

(преклонив колени)

Дозволь вторично присягнуть тебе!

Евгения

Навеки мы вассалы венценосца!

Король

Ах, встаньте же! Вступите в круг моих

Соратников достойных! Твердо стойте

За правду, за исконные права!

Наш век — увы! — отмечен страшным знаком:

Ничтожное растет, величье никнет;

Безродный хочет, с родовитой знатью

Сравнявшись, буйным бредням предаваться,

Чтоб больше не осталось никаких

Различий меж людьми, и все мы в общем

Потоке устремились к океану,

Чтоб сгинуть в нем бесследно и бесславно.

Но да не будет так! Возобновим

Поблекший блеск величия бывшего

Удвоенной отвагой! Позабудем

Былые распри сильных против сильных!

Не станем изнутри крушить фрегат,

Способный лишь единодушным рвением

Смирить извне грозящую беду.

Евгения

Какой ликующий, бодрящий блеск!

Он светит мне, очей не ослепляя.

Так высоко нас ставит государь,

Что сам же нас зовет к себе на помощь;

Не только мы сородичи ему,

Он видит в нас оплот верховной власти,

И если жизнь монарха охранять

Доверено его окольной рати,

То нам не меньший жребий предназначен:

Сердца народа возвратить монарху

Есть высший долг сподвижников его.

Где трон непрочен, непрочна держава,

Где рухнул он, огулом рухнет всё.

Нередко старость порицает младость

За самомнение буйное ее,

Но весь избыток наших юных сил

Принадлежит тебе, наш повелитель!

Герцог

Восторженность младенческой души

Ты выслушал с улыбкой снисхожденья,

Но и отец, бывалый муж, сполна

Уразумев и разумом и сердцем

Великодушье дара твоего,

Тебе клянется в верности до гроба.

Король

Мы вскоре встретимся на торжестве,

Которым я, в угоду моим верным,

Отмечу час рожденья моего.

Я подарю тебя большому свету,

Дитя мое, родителю и мне;

Вблизи от трона будешь ты блистать.

Но до поры до времени храните

Молчанье... Всё, что совершилось здесь,

О том — ни слова! Зло вздымает волны,

За валом вал, за штормом шторм, и судно

К таким уносит скалам, что его

И опытейший кормчий не спасет.

Порукою успеха служит тайна:

Что ты дружкам поведал — не твое.

Ничтожный случай волею играет,

Врагов приказом настигай врасплох!

Немало лучших помыслов моих

Пресекла сила встречной воли тысяч.

О, если б я помимо доброй воли

И полнотою власти обладал,

Последний уголок моей страны

Отеческую б ощутил заботу:

В довольстве жили б и под низкой кровлей,

В довольстве — и под крышами дворца.

Когда добыюсь я счастья такого,

Охотно и престолом поступлюсь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Герцог. Евгения.

Евгения

Какой чудесный, благодатный день!

Герцог

Почаще бы такие выпадали.

Евгения

Как щедро одарил нас государь!

Герцог

Так радуйся нежданному подарку!

Евгения

Сдается, он несчастлив... А так добр!

Герцог

И доброта подчас плодит врагов.

Евгения

Кто недруг доброчестному монарху?

Герцог

Кто ждет добра от строгости одной.

Евгения

Монаршья кротость кротость насаждает.

Герцог

Но может и строптивость породить.

Евгения

Он благородством наделен природой,

Герцог

Но ей поставлен слишком высоко.

Евгения

Он оснащен высоким чувством долга.

Герцог

Для частной жизни, не для короля.

Евгения

Он — отпрыск рода царственных героев.

Герцог

В праправнуках скудеет предков мощь.

Евгения

Утраченную мощь мы воскресим!

Герцог

Да, если в наши он поверит силы.

Евгения

(задумчиво)

В душе моей мелькнуло подозренье...

Герцог

Какое? Не скрывай его, дитя!

Евгения

(помолчав)

И ты из тех, кого король страшится.

Герцог

Пусть он страшится тех, кто враг ему.

Евгения

А тайные враги его — опасны?

Герцог

Скрывающий опасность — злейший враг,

В какие дебри мы зашли, однако,

Дитя мое! Наплыв тревожных дум

Нас в сторону угнал от светлой цели.

Неподготовленный, я только сбил

Тебя своим сумбуром с панталыку.

Должно же было стать, что, едва

Обретши счастье, ты вкусила горечь;

В неведение невинном не смогла

Ему отдаться сердцем безраздельно!

Уже почти у цели ты. Но колют

Твой лоб шипы тернового венца.

Любимая, не этого я ждал!

Хотелось мне, чтоб спрехвала, неспешно

К большому свету приобщалась ты,

Лишь постепенно с юными мечтами

И грезами былыми распростилась;

И вдруг — как то паденье с высоты

На дно обрыва — ты низверглась в мир

Опасностей, коварства и тревог,

Где самый воздух дышит преступленьем,

Где зависть людям распаляет кровь

И зараженных ей сдает кручине.

Неужто же мне впредь не суждено

В твой тихий рай под вечер возвращаться,

Чтоб врачевать невинностью твоей

Уколы светской пошлости и злости!

В одной сети запугавшись со мной,

Ты горевать за нас обоих будешь.

Евгения

Нет, мой отец! Коль скоро дочь твоя
В глухой тиши невольного затвора,
В ребяческом ничтожестве своем
Могла невинной детской болтовней
Тебя развлечь, ободрить, успокоить,
Так как же мне, в твою судьбу вплетенной,
Не расцветить веселой пестрой нитью
Суровой, многотрудной жизни ткань?
Как буду я сочувствовать деяньям
И подвигам, какими королю
И родине ты славу преумножишь!
Мой юный пыл, восторженность души
Передадутся исподволь тебе,
Всплунут томящий морок, что невмочь
Нести тому, кто до сих пор один
Сгибался под крестом постылых козней.
В часы невзгод, скорбей и треволнений
Еще недавно забавляла я
Тебя каскадом взбалмошных затей;
Теперь, проникнувши в обширный план
Твоих разумно взвешенных деянии,
Я буду дочерью тебе во всем.

Герцог

Что ты утратила, порвав с былым,
Ты слишком мало ценишь, дорогая,
Чрезмерно веря в блеск грядущих дней.

Евгения

Делить с высокородными мужами
Заботы о народе и стране
Для душ отважных — доблестный удел.

Герцог

Да, это так! Прости, что изменило
Мне мужество в великий этот миг.
С тобою обменялись мы ролями:
Не я — тебя, а ты меня ведешь.

Евгения

Итак, отец, отправимся с тобой
В те области высокие, откуда

Мне солнце новой жизни воссияло.

Боюсь, что только улыбнешься ты,

Когда и я признаюсь, в свой черед,

В моих заботах.

Герцог

В чем они, скажи?

Евгения

Мгновений важных много в этой жизни,

То горестью, то радостью великой

Пронзающих нам душу. При таких

Оказиях о внешности своей

Мужчины зачастую не хлопчут;

Не то — у нас: мы, женщины, хотим

И нравиться, и зависть возбуждать

Своим обличем при любом событье.

Я это наблюдала и сама.

И вот, в желанный час, мне предстоящий,

Я чувствую, что слабости такой

Девической подвержена и я.

Герцог

Чего ж, дитя, тебе недостает?

Евгения

Ты на меня расходов не жалеешь,

Я это знаю. Но великий день

Так близок, что боишься упущений.

Все, что должно составить мой убор,

И кружево, и ткани, и брильянты —

Как их достать и к сроку изготовить?

Герцог

Хоть счастье и настигло нас врасплох,

Но мы, с его возможностью считаясь,

Всем нужным постарались запастись.

Еще сегодня праздничный наряд

Получишь ты в ларце, его достойном,

И все ж, в залог грядущих испытаний,

Я подвергаю искусу тебя:

Вот ключ к тому ларцу. Храни его.

Не любопытствуй! Прежде чем с тобой

Мы свидимся, ларца не открывай.

Не доверяйся никому! Так разум

Глаголет нам, и так велит король.

Евгения

Для девушки не легок и?скус твой,

Но обещаюсь выдержать его.

Герцог

Мой злобный сын не устает следить

За каждым шагом на твоём пути.

Припомни, как взъярился он, узнав,

Что я тебе удел отвел ничтожный.

Так как ему, проведавши о том,

Что вскоре, по указу государя,

Ты с ним в своих сравнишься правах,

Не взбелениться, не пойти на всё,

Чтоб воспрепятствовать державной воле?

Евгения

Давай спокойно выждем день желанный,

Который право закрепит за мной

Его сестрою зваться. И тогда,

Уступчивость и сестринская ласка

Уж у меня найдутся для него.

Он все же сын тебе. Ужели он

Любви и доброхотству недоступен?

Герцог

Любого чуда жду я от тебя,

Сверши и этот подвиг миротворный!

Ну, а теперь: прощай! Ах, в миг разлуки

Меня опять одолевает страх!

Здесь ты лежала мертвой. Здесь меня

Отчаянье, как лютей зверь, когтило.

Кто этот ужас заслонит от глаз?

Тебя я видел мертвой! И такой

Ты будешь днем и ночью мне являться.

Когда я не тревожился в пути?

Но то был бред пророчески-неясный,

Теперь он примет грозный облик яви:

Евгения, отрада моей жизни.

Недвижна, бездыханна, холодна...

Евгения

Не призывай виденья мнимой смерти!

Смотри на воскрешение мое

Как на символ завещанного счастья;

Живая, я стою перед тобой

(Обнимая его.)

И льну к груди родительской, живая.

Такой меня и вспоминай всегда,

И от наплыва светозарной жизни

Померкнет смерти ненавистной лик.

Герцог

Нет, детям не постигнуть, как отец

Терзается от страха их утратить!

Скрывать не стану: глядя на твою

Отвагу безрассудную, с которой

Ты, чувствуя себя одним куском

С послушной лошастью, кентавру равной,

Носилась по ущельям и горам,

Привольной птицей воздух рассекая,

Я не восторг, я ужас ощущал.

О, если б рассудительнее впредь

Ты рыцарским забавам предавалась!

Евгения

Опасности мирволят смельчакам,

А робким душам пагубу сулят.

Будь тем же, как в былые дни, когда

Ты научал меня, еще ребенка,

Бесстрашью буйных рыцарских утех.

Герцог

Я был неправ, как вижу. И за то

Мне до скончанья дней терзаться страхом?

А разве мы погибель безрассудством

Не накликаем на себя?

Евгения

Удача, А не боязнь смиряет гнев судеб.

Прощай, отец! Покорствуй государю!

И будь, хоть ради дочери твоей,

Ему надежным другом и вассалом,

Прости!

Герцог

Побудь со мной! Живая встань

На благодатном месте, где судьба

Тебе дала воскреснуть, где блаженством

Целебным ты меня врачевала.

Чему-то счастье научает нас:

Я памятником место освящу,

Воздвигну здесь господень храм во имя

Чудесного спасенья. А вокруг

Своей рукой ты мир возрастишь волшебный:

Мачтовый лес и заросли глухие

Пересечет тропинок лабиринт.

Доступны станут горы. А ручей

По ступеням зеркал вольется в русло.

И странник изумленный возомнит

Себя в рай. Здесь выстрел впредь не грянет, Пока я жив. Никто не сымет птицы

Дробинкой с ветки, не поранит зверя

В кустарнике, не поразит в бору.

Сюда подамся я, тобой ведомый,

Когда в глазах моих погаснет свет

И ноги мне откажутся служить;

Но благодарность в сердце не иссякнет!

Ну а теперь расстанемся. Ты плачешь?

Евгения

Уж если мой отец томится страхом

Меня утратить, как же мне тогда

Не сокрушаться — я и слово это

Сказать не в силах — о разлуке с ним.

Горька судьба отцов осиротелых,

Но сколь ужаснее — сирот-детей!

Злосчастная, стояла б я одна,

Совсем одна, в жестоком, чуждом мире,

С отцом, моим оплотом, разлучась.

Герцог

Как ты — меня, тебя ободрю я:

Пойдем, как прежде шли, прямой стезею,

Залогом жизни — жизнь. Она сама

Себе оплот и зиждущий источник.

Без долгих проводов — прощай, дитя!

Счастливое свиданье исцелит

Обоих нас от горечи разлуки.

Быстро расходятся. Издали простирают друг к другу руки в знак последнего «прости» и уходят прочь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КОМНАТА ЕВГЕНИИ В ГОТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Воспитательница. Секретарь.

Секретарь

Я шел сюда обрадовать тебя

Счастливой вестью. Чем я заслужил

Такую встречу? Выслушай хотя бы!

Воспитательница

С чем ты пришел, нетрудно угадать.

Я не могу без ужаса твой взор

Знакомый встретить, слышать голос твой.

Дай мне спастись от силы, что меня

Дарила лаской и любовью, ныне ж

Стоит при мне, как призрак на часах.

Секретарь

Теперь, когда посыпались дары

К стопам твоим из рога изобилья,

Когда заря ликующего дня,

Который наш союз благословит,

Торжественно зажглась на небосклоне,

Ты, в страхе и смятении, готова

Влюбленного отвергнуть жениха?

Воспитательница

Ты светлой стороною обратил

Ко мне грядущее. Оно слепит

Как плёс, залитый солнцем; но за ним

Таится ночь, грозя кромешным мраком.

Секретарь

Попробуем с отрадной стороны

На все взглянуть. О доме ты мечтала

Вблизи дворца, просторном и богато

Обставленном, приятном для житья,

А также для взыскательных гостей?

Он мною куплен. Этой же зимой

Мы поселимся в нем, лишь захоти!

Весной потянет за город? И там

Тебя усадьба ждет, тенистый сад

И прочие уголья: луг и лес,

Ручей журчащий, тихие озера.

Всем этим будем наслаждаться мы

И как владельцы, и в дворцовом парке,

А сверх того нам рента принесет

Достаток прочный при разумных тратах.

Воспитательница

Послушаешь, так мир — светлей лазури.

Но для меня он в сумрак погружен.

Фортуна к нам явилась не благой,

Отвратной гостьей с рогом изобилья.

Какой ей жертвы надобно? Чтоб я

Участвовала в убиенье счастья

Моей любимицы? И мне такую

Ценой добытым счастьем — наслаждаться?

Евгения! Ты под моим крылом

Высоких чувств и знаний набиралась

От юных лет! Кто в силах различить,

Кто — угадать, чем ты сама себе

Обязана и чем — моей заботе!

И мне тебя, кого я почитала

Своим созданием чудным, погубить?

Скажи мне, из какого вещества

Вы сделаны, жестокие, за мзду

Толкающие нас на тяжкий грех?

Секретарь

Немало женщин, добрых, благородных,

О нещечке пекутся с ранних лет,

Мечтая, что дитяти предстоит

Стать божеством невесть какого храма.

Но если сила, что нещадна к нам,

С нас жертвы требует, то мы ее

С кровоточащим сердцем ей приносим.

Два мира нами правят, ангел мой,

Друг с другом во вражде, и нас неволят.

Воспитательница

Ты в мире, вовсе чуждом мне, живешь,

Должно быть, коль задумал господина

Ты своего обречь таким страданьям,

Предательски пристав к бесчестной шайке

Его сына. Когда благой творец —

Так кажется — потворствует злодейству,

Мы говорим: «Не нам судить!»; но тот,

Кто, взвесив все, идет тропею зла, —

Для нас загадка. Но и я себе

Кажусь загадкой, раз я — вопреки

Всему — тянусь к тебе, хоть знаю, что

Ты и меня столкнуть хотел бы в бездну,

Зачем, скажи, природа одарила

Неотразимой прелестью тебя,

Когда она в твою вложила грудь

Холодное, бесчувственное сердце?

Секретарь

Так ты не веришь и в любовь мою?

Воспитательница

О, я тогда б покончила с собой!

Но почему с тем замыслом ужасным

Ты вновь пришел ко мне? Ведь ты клялся

Забыть его, похоронить навек.

Секретарь

Он сам воскрес, набравшись новых сил.

Принц рвет и мечет, и отсрочки нет!

Евгения в безвестности росла

Ребенком, не приметным никому,

Никто как ты ее со дня рожденья

Блюла в покоях этих. Мало кто

Вас навещал тогда, и то тишком.

Но тайн не терпит отчая любовь!

Гордясь прекрасной дочерью своей,

Ей герцог доступ испросил являться —

Верхом, в карете ли — в толпе гостей,

И вскоре всем открылось, кто она.

Тут мать ее почила. Для нее

Ребенок был уликой ненавистной

Минутной женской слабости ее;

Едва ли дочь она видала даже...

Смерть матери позволила отцу

Мечтать о большем: он решил опять

Являться ко двору и, позабыв

Свой гнев, обиды, распри, с государем

Пойти на примиренье — с тем, чтоб тот

Признал законной дочь его по крови.

Воспитательница

И вам претит признать за ней права

Высокого ее происхожденья?

Секретарь

Куда как просто, ласочка моя,

От мира оградясь стенами замка,

По-монастырски толковать со мной

О пагубе богатства. Но, взглядишь,

Мир лучше знает цену благ земных:

Отца снедает зависть к сыну; сын

Подсчитывает дни отцовы; братья

Разобщены взаимною враждой

На жизнь и смерть. Глядишь, и капеллан,

Забыв о куцах рая, алчет злата.

Чего ты ждешь от принца? Он считал

Единственным наследником себя

И не потерпит незваной сестры,

Грозящей умалить его богатства.

Пойми его, как должно, и суди!

Воспитательница

Принц и теперь неслыханно богат,

А будет он, наследовав отцу,

Богат превыше меры. Что ему,

Ничтожной частью поступившись, стоит

Приобрести достойную сестру?

Секретарь

Богатому в отраду произвол!

Что для него законы естества,

Обычай, право, доводы рассудка?

Он случаю в подол дары бросает.

Ему достаток — горшая нужда!

Владеть — так всем! Чтоб прихоть сделать явью, Пределов расточительности нет!

Тут ни к чему ни просьбы, ни моления,

Не хочешь нам помочь, тогда — прощай.

Воспитательница

Что значит вам помочь? Уже давно

Грозите вы бедой моей голубке.

Так что ж вы на совете нечестивых

С ней сделать порешили? Вам угодно,

Чтоб я служила вам слепым орудьем?

Секретарь

Нимало! Все узнаешь, и сейчас,

Что суждено ей и чего с тебя

Принуждены мы требовать.

Должна ты Евгению немедля увезти.

Ей надлежит из мира так исчезнуть,

Чтоб мы могли оплакивать ее

Кончину, чтоб судьба ее была

Неведома для нас, как судьбы мертвых.

Воспитательница

Вы заживо хороните ее,

А мне ее велите проводить

И в ту же лечь могилу? Что же, мне,

Предательнице, с преданною мною

Делить при жизни призрачную смерть?

Секретарь

Ты отвезешь ее и к нам вернешься.

Воспитательница

А ей закахнуть в монастырской келье?

Секретарь

О нет! Мы церкви не вручим такой

Заклад бесценный! Не позволим ей

Использовать его противу нас.

Воспитательница

Иль вы на острова ее сошлете?

Секретарь

Всему свой час. Узнаешь. Успокойся.

Воспитательница

Как быть спокойной, раз беда грозит

Любимице моей... и мне самой.

Секретарь

Ах, дитяtko и там не пропадет!

Тебя же ждет здесь негa и довольство.

Воспитательница

Не обольщайтесь замыслом своим!

Нет проку принуждать меня к злодейству

Ужасному. Она, хоть и дитя,

Сама сорвет, порушит ваши ковы.

Не думайте ее покорной жертвой

Предать закланью! Знайте, гордый дух,

Живущий в ней, безмерная отвага —

Наследье предков — ей помогут сеть,

Расставленную вами, разорвать.

Секретарь

Твоя забота удержать ее.

Иль ты внушить нам хочешь, что дитя,

Лелеянное счастьем с колыбели,

В суровый час негaданной беды

Проявит хитрость, зоркость, твердость, ум?

В ней дух окреп не для житейских битв,

Отменно чувствовать и рассуждать

Еще не значит быть пригодной к делу.

Высокий дух, безопытный в борьбе,

При встрече с вдруг представшею бедой

Робеет и в отчаянье впадает.

Что мы решили, ты должна свершить.

Минутна скорбь, а счастье долговечно.

Воспитательница

Дай срок подумать, прежде чем решиться.

Секретарь

Все сроки для раздумий истекли.

Ведь герцог твердо верит, что король

В день своего рожденья явит милость

И дочь его признает всенародно.

Наряд и драгоценности ее

Уже уложены в ларец роскошный,

И ключ к нему хранит он у себя,

Как будто, спрятав ключ, он скрыл и тайну.

Нам все известно! Больше ждать нельзя.

Итак — сегодня вечером. Прощай!

Воспитательница

На темный, гиблый путь вступили вы,

И верите — успех вам обеспечен.

Неужто вы реченье позабыли,

Что над виновным и безвинной жертвой

Спасительный и мстящий реет дух?

Секретарь

Кто, дерзкий, смеет силу отрицать,

Которая исход деяний наших

Всевластна вышней воле подчинить?

Но кто дерзнет себя причастным счесть

Той вышней воле? Кто ее законы,

Пути и средства разгадать способен?

Нас разумом всевышний наделил

В земных делах посильно разбираться,

И что полезно нам, для нас закон.

Воспитательница

Вы отреклись от бога уже тем,

Что голос сердца стал для вас ненужен,

Меня ж зовет он отвратить беду,

Нависшую над милым мне созданием,

Восстать бесстрашно на тебя, на всех

Насильников нещадных! Ни угрозы,

Ни лесть, ни подкуп ни смиряют меня.

Я здесь стою оплотом ее блага.

Секретарь

О милая! О добрая! Лишь ты,

Одна из всех, сумеешь отвратить

Грозящую ей гибель... и притом

Не и?наче, как покорившись нам.

Возьми ее и увези скорей,

Чем дальше, тем надежней. Скрой от глаз

Ее людских, не то... ты содрогнулась?

Предчувствуешь, что я скажу?

Ну что ж! Раз ты велишь сказать, произнесу: Изгнание — мягчайший приговор.

И если ты нам в помощи откажешь,

Противодействовать нам будешь тайно,

Из добрых побуждений донесешь

Кому-нибудь, что я тебе открыл,

Ты мертвую ее обнимешь! Знай:

Что? горестно и мне, произойдет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Воспитательница

Угрозы этой надо было ждать!

Который день мигает рта искра,

Готовясь хворост пламенем объять.

Дабы спасти тебя, дитя мое,

Должна я сон твой радужный разрушить.

Одна надежда унимает боль,

Но и она, чуть прикоснись к ней, меркнет.

Евгения! Когда б высоким счастьем

Ты поступиться, деточка, могла!

Ведь у его порога рыщет смерть

Иль — на благой конец! — твое изгнанье.

О, если б все сказать тебе могла я,

Назвать те закоулки, где тебя

Наемные убийцы стерегут!

Но я молчать присуждена, я смею

Лишь тихо вразумлять тебя... А ты,

В угаре счастья, речь мою поймешь ли?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Как хорошо, что ты пришла, родная,
Сызде?тства заменявшая мне мать!

Воспитательница

Как сладко мне прижать тебя к груди

И радоваться радости твоей,

Переполняющей твое сердечко.

Как светятся глаза твои, как рдеют

Румянцем щеки! Так скажи ж скорей,

Какой такой восторг тобой владеет?

Евгения

Со мной беда случилась. Я с конем

С кремнистой кручи в пропасть сорвалась.

Воспитательница

О, боже!

Евгения

Успокойся! Я здорова

И веселее, чем была допрежь.

Воспитательница

В толк не возьму...

Евгения

Потерпишь — и узнаешь, Как вмиг несчастье счастьем обернулось.

Воспитательница

Увы! Бывает и наоборот!

Евгения

Предчувствия свои попридержи!

Почто меня пугаешь понапрасну?

Воспитательница

Скорее бы ты мне во всем призналась!

Евгения

Тебе — конечно, первой. Но теперь

Уволь меня, родная! Я должна

Побыть с собой наедине немного.

Тебе ль не знать, как радуется отца,

Когда его, с благословенья муз,

Встречаю я неожиданными стихами,

Подсказанными случаем? Иди,

Любимая! Стихи текут, журчат.

Упустишь их, назад уж не воротишь.

Воспитательница

Когда ж мы насладимся, как бывало,

Утешной, задушевною беседой?

Когда — подобно загадочным двум

Подругам, что одна перед другой

Никак не может вдосталь нахвалиться

Подарками, — мы наконец с тобой

Поделится секретами своими?

Евгения

Возобновятся и беседы наши,

И станем мы о сладости доверья

Взаимного охотно вспоминать.

Сегодня ж дай в безлюдной тишине

Обдумать все, что мне судьба готовит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евгения. Позднее воспитательница (за дверью).

Евгения

(вынимая карманный портфельчик)

Ну а теперь — за грифель и пергамент!

Стихи сложились. Дело лишь за тем,

Чтоб записать их и преподнести

Монарху в светлый день его рожденья,

Когда и я вторично в жизнь вступлю.

(Медленно читает и записывает.)

О ты, нам всем дарованный судьбою!

Ужели ты к неопытной, к смущенной

Не обратишь улыбки благосклонной?

Молитвенно склоняюсь пред тобою.

Но вот опять взношусь к тебе душою!

Ведь я впервые в этой зале тронной

Присутствую преемницей законной

Земных божеств, как снилось мне порою.

Так лейтесь же, высоких благ избытки!

Я вас приемлю с набожной любовью.

Но долго ль будет это счастье длиться?

Судьба моя висит на тонкой нитке:

Томлюсь желаньем собственной кровью

За дар, тобой врученный, отдариться.

(С чувством удовлетворенности перечитывает написанное.) Так горячо в размеренных строках

Уже давно не изъяснялось сердце!

Какое счастье: чувства и мечты

Запечатлеть в веках нетленным словом!

Но все ль сказала я? Еще стихи

Во мне теснятся, ропщут... Близок день,

Нам давший короля; да и меня

Дарующий отцу, и государю,

И мне самой, какую стану я.

Пусть песнь моя прославит этот день!

Фантазия, опережая время,

Несет меня к престолу короля,

Я перед ним...

Воспитательница

(за дверью)

Евгения! открой!

Евгения

Что там за слух?

Воспитательница

Скорее отпри!

Евгения

Дай мне побыть одной. Я занята.

Воспитательница

От герцога посылка!

Евгения

От отца?

Открою.

Воспитательница

Знать, богатые дары

Он шлет тебе!

Евгения

Сейчас.

Воспитательница

Ты слышишь?

Евгения

Слышу.

Куда стихи я спрячу? Непреложно

Они мои надежды выдают,

А запереть их некуда... Иль здесь,

В портфеле, их оставить?.. Нет — опасно!

Увы! Не вся прислуга мне верна.

Немало мной исписанных листов,

Пока спала я, похищались кем-то.

Вот и не знаю, как сокрыть мне тайну

От этих глаз и рук?

(Пристально присматривается к боковой стене.) Да! Он был здесь, Мой милый тайничок, хранитель верный

Ребяческих невинных тайн моих.

Тебя я заприметила давно

Пытливым детским оком, предаваясь

Игре в открытие сказочных пещер.

Мне лишь одной известный, отворись!

(Нажимает потайную пружину. Дверца распахивается.) Как лакомства запретные в тебе,

Таясь от взрослых, я тогда хранила,

Так счастье всей моей грядущей жизни

На малый срок тебе я предаю.

(Кладет пергамент в тайник и закрывает дверцы.) Часы бегут, и с ними страх и радость

Пророчески витают надо мной.

(Открывает двери.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евгения. Воспитательница. Слуги, вносящие в комнату великолепный ларец.

Воспитательница

Я помешала? Но прибывший ларец,

Быть может, мне послужит оправданьем.

Евгения

Ларец, присланный отцом? Как он красив!

Вот только бы узнать, что он содержит!

(Слугам.)

Постойте!

(Дает им свой кошелек.)

В предвкушении наград,

Достойных вас, примите эту малость.

Слуги уходят.

И ни ключа, ни весточки! Досадно!

Ларь здесь, при мне... Но как его открыть?

О любопытство жгучее! А ты

Мне не поможешь разгадать загадку?

Воспитательница

Сдается мне, что ты и так все знаешь!

В ларце хранится пышный твой наряд,

В котором ты впервые пред двором

Предстанешь полноправною принцессой.

Евгения

С чего взяла ты это?

Воспитательница

Тайн таких

На свете нет, чтоб их не распознали.

Евгения

Раз все тебе известно, что скрываться?

Зачем смирять без нужды любопытство,

Не заглянуть в таинственный ларец?

Вот ключ к нему. Хоть герцог запретил

Его открыть... Но по какой причине?

Чтобы досрочно тайну не предать

Огласке. Но ведь ты и так все знаешь,

Пожалуй, больше и узнать нельзя.

Чего же медлить нам? Заглянем в ларь

И насладимся всем, что в нем сокрыто.

Воспитательница

Стой! А запрет родительский? Как знать,

Что герцогу внушает опасенье?

Евгения

Одну лишь цель преследовал отец,

И не достиг ее: ты знаешь все,

Но, из любви ко мне, меня не выдашь.

Запремся в нашей комнатке и вместе

Изучим досконально чудный клад.

(Запирает двери и направляется к ларю.)

Воспитательница

(удерживая ее)

Пусть златотканых платьев яркий блеск,

Лучи алмазов, ласка жемчугов

Лежат в ларце недвижно! Роскошь их

Прельстительна, и ты поддашься ей.

Евгения

Прельстительность — в высоком их значенье.

(Открывает ларь. На обратной стороне его крышки — зеркало.) Какой наряд роскошный! Чуть рука

Его коснулась, и выиграло сердце.

А зеркало! Не для того ль оно,

Чтоб отразить меня во всем убранстве?

Воспитательница

Мне кажется, что я держу в руках

Одежду смертоносную Креузы.

Евгения

Что за сравненье! Вспомнила бы лучше

Счастливых дев, обряженных к венцу.

Подай мне весь убор, за вещью вещь!

Чехол серебряный! Как дивно он

Сквозь золотую сетку проступает.

Воспитательница

Но стоит солнцу отворотить свой лик,

И твой заемный свет тотчас померкнет.

Евгения

Кто сердцем чист, заслужит милость солнца, Ее утратив, милость возвратит.

Теперь подай накидку золотую

И распластан в длину широкий шлейф;

Он весь в цветах эмалевых, искусно

Рассыпанных по золотой канве.

Не правда ли, я хороша собой?

Воспитательница

Знаток, тот больше ценит красоту

Природную в ее простом обличье.

Евгения

Возможно, но на то он и знаток;

Толпу пленяет красота в оправе.

Теперь скрестим жемчужин мягкий свет

С победоносным блеском бриллиантов.

Воспитательница

Но ты превыше чтила чистоту

Души своей, а не наружный блеск.

Евгения

Наружный блеск — что стоит без души?

Но сер лишенный блеска мир душевный.

Воспитательница

Но разве ты в глухом затворе нашем

Не провела счастливейшей поры?

И, припадая к любящей груди,

Не наслаждалась жизнью безмятежной?

Евгения

Бутон не распускает лепестков,

Пока трещит мороз и воют вьюги,

Но с первым дуновением весны

Он предстает во всем великолепии.

Воспитательница

Умеренность — залог житейских благ.

Евгения

Для тех, кто жизнь неполной мерой мерит.

Воспитательница

Довольство малым — драгоценный дар.

Евгения

Нет, ты меня с пути не совратишь!

Вообразим: укромный наш покой

Преобразился в царственный чертог,

Где высоко над троном короля

Победным нимбом блещет балдахин.

Вокруг монарха избранная рать

Высокородных слуг его стоит

В почтительном величии своем.

И среди гордых родичей и я,

Им равная по крови и по сану.

Дай мне счастливый миг предоцтуть,

Когда ко мне все взоры обратятся!

Воспитательница

Увы! Не восхищение одно

Ты в них прочтешь, а ненависть и зависть.

Евгения

Завистник подтверждает нашу мощь,

А ненависть нас бдительности учит.

Воспитательница

Смиреник гордых побеждал не раз.

Евгения

Уж как-нибудь управлюсь я и с ним.

(Склонившись над ларем.)

Еще с тобой не все мы разглядели.

Не обо мне здесь речь! И для друзей

В ларце найдутся ценные вещицы.

Воспитательница

(вынимая ящичек)

Вот и шкатулка с надписью «Подарки».

Евгения

Возьми себе на память что-нибудь

Из часиков и табакерок этих.

А впрочем, что спешить? Быть может, в ней

И лучшая отыщется вещица.

Воспитательница

О, если б в ней нашелся талисман,

Смягчить способный злобный норв брата!

Евгения

Своим радушьем эту неприязнь

Надеюсь побороть я постепенно.

Воспитательница

Но те, что раздували в нем вражду,

Меж вами примиренья не потерпят.

Евгения

Они не раз вредить мне порывались,

Но нерушимо слово короля,

И кто пойдет ему наперекор?

Воспитательница

Еще твоя надежда не сбылась.

Евгения

Но сбывшейся ее я почитаю.

(Склонившись над ларцом.)

Что в этом ящике продолговатом?

Воспитательница

Атласных лент прельстительный набор.

Но хватит этой пестрядью мишурной,

Дитя мое, беспечно любоваться.

О, если б ты, хоть на короткий миг,

Моим словам вниманье уделила!

Из тихой гавани в открытый мир

Уходишь ты, где беды ждут тебя —

Измена, сеть интриг, быть может, смерть

От подлых рук наемного убийцы.

Евгения

Нет, верно, ты больна! В судьбе моей

Ты только ужас видишь беспросветный...

(Склонившись над шкатулкой.)

А в этом свертке что? А! Знак отличья

Принцессы дома — орденская лента.

Как я о ней мечтала! И ее

Надену. Поглядим, к лицу ли мне

Почетный знак багрянородных дев.

(Надевает ленту.)

Что мне опасности, скажи, что смерть!

Бойца что? красит больше, как не час,

Когда, наградой горд, он предстает

Пред королем в ряду других героев?

Чем восторгается и стар и млад,

Как не убранством доблестных дружин?

А эта лента — разве не симво?л

Опасности, борьбы самозабвенной!

Она — как бранный клич, как шарф бойца,

Которым он сурово подпоясан,

Когда вступает в смертоносный бой.

Пусть этот знак опасен, но позволь

И мне отважно встретиться с врагом

В обличий воительницы грозной!

Неотвратим счастливый жребий мой!

Воспитательница

(про себя)

Неотвратим и рок, бедой чреватый.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРИЕМНАЯ ГЕРЦОГА, РОСКОШНО УБРАННАЯ В НОВЕЙШЕМ ВКУСЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Секретарь. Священник.

Секретарь

Входи неслышно в скорбный мир безмолвья!

Прислушайся! Как будто вымер дом:

Сам герцог спит, а преданные слуги

Молчат, его утратой сражены.

Он спит. Я осенил его крестом,

Услышавши, как он спокойно дышит;

Избыток мук природа приглушила

Целительным глубоким забытьем.

Но страшен миг, когда очнется он!

Ты с изможденным встретишься страдальцем.

Священник

Я с страстотерпцем встретиться готов.

Секретарь

К исходу дня к нам вдруг приспела весть,

Что дочь его мертва! С конем низверглась

С кремнистой кручи! И в ближайший храм

Доставлена была для похорон

К тебе со дна ущелья, где она

Сыскала смерть своим же безрассудством.

Священник

А далеко она уже теперь?

Секретарь

Задержек не предвидим мы в пути.

Священник

Нелегкий труд! Кому доверен он?

Секретарь

Разумной женщине, примкнувшей к нам.

Священник

Куда она должна ее свезти?

Секретарь

За тридевять земель — в надежный порт.

Священник

И далее — в заморские края?

Секретарь

Лишь установится попутный ветер.

Священник

А здесь она считаться мертвой будет?

Секретарь

Да, если ты сумеешь нам помочь.

Священник

Пусть эта ложь в сознании людей

Мгновенно утвердится и навеки!

Над мнимую могилу да замрут

Людские толки! Я тысячекратно

Любви достойный образ изорву

И огненными знаками в сердца

Толпы, объятаго ужасом, впишу:

Она мертва! Во прах распалась!

Стала Для всех ничем...

И всякий — взор невольно

К живущим обратит. И в суете

И сутолоке мира позабудут,

Что и она жила среди живых.

Секретарь

За дело ты берешься горячо,

А каяться не будешь напоследок?

Священник

Что за вопрос? Я тверд, как никогда!

Секретарь

Бывает так, что, воле вопреки,

Мы предаемся поздним сожаленьям.

Священник

Что это? Сам ли пошатнулся ты?

Иль испытать задумал, хорошо ль

Премудрость вашу ученик усвоил?

Секретарь

Все точно взвесить — делу не в ущерб.

Священник

Но лучше взвесить прежде, чем начать.

Секретарь

И начато не во вред обдумать.

Священник

Обдумывать? Не поздно ль мне уже?

На то имелось время в дни, когда

Еще я предавался райским грезам

В моем саду, о большем не мечтая,

Растил и прививал мои деревья,

С немногих грядок овощи снимал,

Когда покой, царивший в тихой келье,

Мне был дороже бранных благ земных,

Когда я пастве был отцом и другом,

Доверье заслужившим и любовь,

Благословлял добра благие всходы,

Изничтожал дурного семена.

О, если б ангел божий преградил

Тебе дорогу к моему жилищу

В тот день, когда, охотой утомлен,

Ты заглянул ко мне и покори

Меня прельстительной своею речью!

Гостеприимством освященный день

Стал первым днем моей душевной смуты.

Секретарь

Мы щедро осчастливили тебя.

Священник

Но пробудив во мне желаний тьму...

Я обнищал, на вашу роскошь глядя,

В унынье впал, достатка недобрав,

Познав нужду, искал поддержку в людях,

Вы помогли мне. Но какой ценой?

Да, вы со мной делились, спору нет,

Но как с сообщником недобрых дел,

Как с прихвостнем своим, с рабом, которым

Стал некогда свободный человек.

Не спорю, вы делились! Но не так,

Как я имел бы право ожидать.

Секретарь

Дай срок, мы рассчитаемся с тобой

И золотом, и лучшим из приходов.

Священник

Не этого мне хочется от вас.

Секретарь

Чего ж тебе еще недостает?

Священник

Слепым орудьем и на этот раз

Я вам служу. Невинное дитя

Изъяли вы живым из круга жизни;

Я ж грех ваш должен скрыть и приукрасить?

А кто меня хоть упредил о том?

Так знайте ж, я присутствовать хочу

В совете вашем, где вершатся судьбы,

Где каждый без зазора голос свой

За неизбывный ужас подает.

Секретарь

Уж тем, что ты нам и теперь помог,

Ты приобрел немалые права.

Во много тайн мы посвятим тебя,

А до того будь верен нам и тверд.

Священник

Я многим тверже, чем казался вам.

Давно я в ваши замыслы проник!

Лишь тот достоин приобщиться к тайнам,

Кто в силах их прозреть, предугадать.

Секретарь

Что ты сумел предугадать?

Священник

Отложим

До полночи наш долгий разговор.

Что значит этой девочки судьба!

Она ничтожной каплей в море канет,
Когда подумаешь, как скрытно вы
Сплотились в ваш властительный союз,
Как каверзно преемственную власть
Вы вытеснить собою порешили.
Не вы одни! Повадно и другим,
Вас сокрушив, пробиться к той же цели!
Так губят и державу и престол.
Кто уцелеет, если рухнет всё?

Секретарь

Его шаги! Постой за этой дверью
И жди, когда тебя я позову.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Герцог. Секретарь.

Герцог

Проклятый свет! Постылый голос жизни!
Он мне твердит, что существует мир,
А в нем и я... Все выжжено, мертво,
Обращено в пустыню, в груды пепла,
В толченный щебень безвозвратных дней.

Секретарь

О, если б все, кто в этот горький час
С тобою делят скорбь твою, могли бы
Взять на себя толику мук безмерных,
Тебе бы легче стало на душе.

Герцог

Любовь и боль утраты неделимы,
Как неделима вечность. Я постиг,
Познал сполна, как неизбывно горе
Тех, кто утратил все, чем дорожил.
К чему, скажи, вся эта позолота
И роскошь красок шелковых шпалер?

Они не устают напоминать

Мне о былом — еще вчерашнем! — счастье

Своим парадным блеском. Затяните

Все залы и покои черным крепом!

Чтоб и вокруг меня зияла тьма

Бездонной ночи, как в душе моей.

Секретарь

О, если бы то многое, чем ты

Еще богат, тебе казалось чем-то!

Герцог

Мой дом — холодный морок без души,

Она была его живой душою!

Я, просыпаясь, видел пред собой

Манящий образ дочери любимой.

Здесь от нее я письма получал,

В которых ум игриво вторит чувствам.

Секретарь

Она сыздетства обладала даром

И в звонких рифмах мысли выразать.

Герцог

Мечта с ней вскоре свидеться смягчала

Чреду моих мучительных забот.

Секретарь

Случалось, что, прервав докучный труд,

Ты мчался к ней на борзom скакуне,

Как юноша на тайное свиданье.

Герцог

Не сравнивай мгновенный пыл юнца,

Перегорающий в объятьях страсти,

С отцовским чувством, с нежным восхищеньем

Следящего за тем, как детский лик

Приобретает прелесть четких линий,

Как зреют чувства и взрослеет ум.

Страсть юноши живет насущным счастьем,

Грядущее принадлежит отцу:

Его владенья — радужные дали

И пышный всход посеянных семян.

Секретарь

О, горе! Эту радужную даль

И всходы юных сил ты потерял.

Герцог

Как? Потерял?.. Заговорив о ней,

Забылся я... вдруг счел ее живою...

Но нет! Я потерял ее. Ты прав,
Несчастный! Все вокруг твердят одно;
«Ее ты потерял!» Так хлыньте, слезы!
Размойте стены моего дворца,
Который столько выстоял невзгод!
Мне ненавистен уцелевший мир,
Все, что кичится прочностью своей!
Мне любо то, что рушит и крушит,
Вы, реки, затопите берега!
Разверзни пасти, грозный океан,
И поглоти корабль, людей и груз!
Нагряньте, орды яростных врагов,
И громоздите смерть — над трупом труп!
Пусть молнии с безоблачных небес
Ударят в главы башен и церквей,
Порушат и сожгут их, и пожар
Пусть гонят в тесных улиц лабиринт —
Да так, чтоб я, под плач толпы надрывный,
Мог примириться с участью своей.

Секретарь

Нежданное несчастье тебя
В бездонное отчаянье повергло.

Герцог

Нежданное? Нет! я был предупрежден:

В моих руках посланец горних сил,
Поправши смерть, вернул ее к живущим

И показал мне — походя, но зримо —

Ужасное, что совершилось днесь.

Тогда-то я и должен был излить

Свой гнев на дочь за веру в неподвластность

Ее ни смерти, ни увечьям; твердо

Ей запретить взлетать крылатой птицей

Над буйною рекой, сквозь сеть листвы

На гребни гор и выступы утеса.

Секретарь

Ты знал, отвага сходит многим с рук,

С чего бы ты несчастье мог предвидеть?

Герцог

Несчастье я предчувствовал в тот час,

Когда в последний раз — увы! в последний — Я роковое слово произнес,

Которым омрачен мой страдный путь...

О, если б я хотя бы только раз

С ней свиделся, быть может, я отвел бы

Несчастье это, убедил ее,

Хоть помня об отце, себя беречь,

Уговорил бы бешеной езде

Не предаваться больше так бездумно.

Но встретиться мне с нею не пришлось,

И я утратил милое дитя!

Нет, нет ее... Та призрачная смерть

Лишь приумножила ее отвагу!

И не было кому ее унять!

С наставницей она уж не считалась...

Каким рукам я клад доверил мой?

Услужливым рукам неумной бабы!

Да, дочь не знала над собою власти,

Способной направлять ее шаги

Разумно к предназначенной ей цели.

Ей предоставили свободу: всё,

Что в ум взбредет, дерзать и совершать...

Я это видел, но не сознавал,

Что верить этой женщине нельзя.

Секретарь

Не осуждай, злосчастную, ее!

Объята горем, скорбная, она

Бог весть где бродит. Ибо кто дерзнет

Взглянуть в глаза тебе и в них прочесть

Хотя бы тень немого осужденья.

Герцог

Дай мне винить других несправедливо,

Иначе сам себя я разможжу!

Вина — на мне! Уж мне ль того не знать?

Кто, как не я, безумною затеей

Навлек погибель на ее главу?

Во всем ее хотел я видеть первой,

И рок мою гордыню покарал.

В седле кто мог идти в сравненье с ней?

Кто правил тверже резвыми конями?

Когда она ныряла в бурных хлябях,

Казалось, Галатея ожила.

Я думал, в смелых играх закалясь,

Она снесет опасности любые...

Но грянул гром! Ее постигла смерть.

Секретарь

К безвременной кончине привело

Ее высокое сознание долга.

Герцог

Какой там долг?

Секретарь

Я огорчу тебя

Ее поступком детски благородным:

Друг и наставник ранних лет ее

Живет вблизи от города, в посаде,

Больной, в унынье впавший нелюдим.

Она одна была его отрадой

И встречи с ним себе вменила в долг.

Ее отлучкам частым мы сочли

За благо воспрепятствовать. Тогда

Она прогулок утренних часы

Использовать решила для свиданий

С несчастным старцем, быстрою ездою

По горным тропам скрадывая время,

Был в эту тайну ею посвящен

Лишь конюх юный, ей коня седлавший.

Все это лишь догадки наши: он

Также, как та, злосчастливая, бежал,

Гонимый страхом. Их и след простыл.

Герцог

Счастливые! Они бояться могут!

Их жалость к ней и к бедному отцу,

Все потерявшему, сдает трусость:

Минует гнев, и с ним пройдет печаль,

А у меня — ни страха, ни надежд!

Я все готов услышать. Сообщи

Подробности любые! Всё снесу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцог. Секретарь. Священник.

Секретарь

В предвиденье желанья твоего

Я задержал в прихожей человека,

Подавленного участью твоей.

Он — тот священник добрый, кто из рук

Нешадной смерти дочь твою приял

И, убедясь, что врач ей не поможет,

Ее с сырой землею обручил.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Герцог. Священник.

Священник

Желание предстать перед тобой,

Великий муж, питал я с давних пор.

Мечта моя сбылась. Увы! в безмерно

Тяжелый час разлуки с незабвенной.

Герцог

Ты мне желанен, вестник нежеланный!

Ее ты видел, и последний взор

Тускнеющий ее постиг душой,

Последние слова ее услышал

И жалобный предсмертный стон ее.

Скажи, что удалось ей прошептать?

Отца хоть — вспомнила? Из уст ее

Ты мне принес последнее прости?

Священник

Желанен нам посланец нежеланный,

Покуда он молчит, дает простор

Надеждам и благим предположеньям.

Возговоривший, он отвратен нам.

Герцог

Молчать? Зачем? Что можешь ты прибавить

К тому, что мне известно? — Умерла!

В глухом гробу — ни слез, ни вздыханий,

Ее страданиям пришел конец,

Черед моим настал. Возговори!

Священник

Смерть — всем положенный предел. Его же

И дочь твоя — увы нам! — не избегла.

А как она ушла из жизни в вечность,

Сокроет холм могильный от тебя.

Не всем из нас нетрудный переход

В немое царство теней уготован;

Иным пройти горнило тяжких мук,

Увечий и ранений суждено.

Герцог

Она страдала?

Священник

Тяжко, но не долго.

Герцог

И все же был такой предсмертный миг,

Когда она о помощи взывала! А я?

А я — где был? Каким трудом,

Какой забавой был я увлечен?

Ничто не возвещало об ужасном

В тот миг, когда лишился я всего.

Ни крика я не слышал, ни беды

Не чуял, сокрушившей жизнь мою!

Общенье близких душ на расстоянье —

Пустая басня. Тупо пригвожден

К насущной жизни, чует человек

Лишь близкую усладу или боль,

И даже любящим помехой даль.

Священник

Сколь ни могуче слово, сознаю;

Словами страстотерпца не утешить.

Герцог

Слова нас чаще ранят, чем целят,

И повтореньем сетований горе

Напрасно тщится счастье воскресить.

Так не нашлось ни мудрых рук, ни средств

Разжечь заглохшую в ней искру жизни?

Что ты испробовал, предпринял что

Ее спасти? Я верю, ты из тех,

Чей разум бодр и ясен.

Священник

Ни над чем

Здесь разуму трудиться не пришлось.

Герцог

Ужель приговорен я потерять

Ее бесследно? Дай мне скорбь свою

Утишить новой скорбью! Дай останки

Ее сберечь. Пойдем к ней! Где она?

Священник

В моей часовне пышный саркофаг

Ее стоит вблизи от алтаря

За золотой решеткою. Пока

Я жив, молиться буду ежедневно.

Герцог

Пойдем! Веди меня туда. Пусть с нами

Поедет лучший из моих врачей,

Попробуем от тленья упасти

Земной покров. Пусть мертвою водой,

Настоянной на аравийских травах,

Мы атомы спасем, что эту плоть

Божественную дивно составляли,

Распаду их свершиться не дадим.

Священник

Что я скажу? Как от тебя я скрою

Ужасное? Разъята красота!

А это и чужому видеть страшно,

Тем более тебе, отцу... Нет, нет!

Избави бог! О том не смей и думать!

Герцог

Какая пытка мне грозит еще?

Священник

Дай мне молчать! Дабы моим рассказом

Не оскорбить сердце, ее любивших.

Дай скрыть от всех, как, свергнувшись, она

Сквозь заросли, о ребра скал нещадных

Разбившаяся, с рассеченным лбом

К ногам моим свалилась бездыханно.

Вот тут-то я, слезами обливаясь,

Благословил тот день, когда пред богом

Отрекся я от счастья быть отцом.

Герцог

О да! Отцом ты не был. Знаю, ты

Принадлежишь к постылым себялюбцам,

Что жизнь свою в бесплодии влачат,

От мира отрешившись. Прочь! Твой вид

Отвратен мне!

Священник

Другого я не ждал!

Кто благосклонен к вестнику такому...

(Хочет уйти.)

Герцог

Прости меня! Остайся! Ты не знал

Восторгов — лицезреть лицо дитяти,

В котором ты повторно ожил вновь.

Тебе случалось это наблюдать?

О, если бы случалось! Образ той,

Которая и мне и всем на радость

Была живым единством чудных черт,

Ты не решился бы порвать на части

И памяти б ее не осквернил.

Священник

Что ж делать мне прикажешь? Повести

Тебя ко гробу, чуждыми слезами

Политому, когда я рухлый прах,

Собравши в раку, тленью предавал?

Герцог

Молчи, бесчувственный! Ты боль мою

Не врачевать пришел, а приумножить!

Увы! Слепые силы естества,

Лишенные главенствованья духа,
В борьбе друг с другом рушат красоту.
В былые дни восторг отца витал
Над неустанным таинством творенья.
И вдруг: все замерло, и скорбный взор
В отчаянье распад и тленье видит.

Священник

Что свет и воздух хрупко возвели,
То на? прочно хранит безмолвный гроб.

Герцог

Как мудр обычай был великих древних;
Неспешно сотворенное природой
Божественное тело в час, когда
Дух зиждущий его навек покинет,
Без промедленья предавать огню.

И если пламя сотней языков

Взвивалось к небу и, меж туч и дыма,

Плыло, крылам орлиным уподобясь,

Тут высыхали слезы, бодрый взор

Родных и близких, устремляясь ввысь,

Следил, как новый бог вступает в мир

Заоблачных просторов олимпийских.

Сбери в сосуд, из золота литой,

Новопреставленной священный прах,

Чтоб я осиротелыми руками

Хоть что-то ухватил, что? я прижать

К груди бы мог, нетерпеливо ждущей

Хотя бы этих горестных объятий.

Священник

Излишней скорбью обостряешь боль.

Герцог

Нет, вносишь свет в кромешный мрак страданья.

О, если б я принес хоть горстку пепла

В котомке, как паломник многогрешный,

Босой, в слезах, дорогой утомлен,

К полянке той, где мы тогда расстались.

Там — мертвою — ее держал в руках я

И там же преисполнился надеждой,
Что мне удастся удержать ее
Здесь, на земле. Но нет! Ее не стало.
Вот где я мог бы скорбь увековечить!
В дни радости я думал Храм спасенья
Чудесного воздвигнуть здесь. Художник
Уже наметил мудрою рукой,
Где проложить тропинки и дорожки
Сквозь лес, вокруг скал. Уже обкатан круг,
Где наш король к груди ее прижал,
Все было предусмотрено с любовью,
Но начатого руки не продолжают;
Все прервано, как план моих реформ.
Но памятник я все ж воздвигну там,
Из грузных, необтесанных камней,
Чтоб вновь и вновь паломничать туда.
В кремнистом царстве, сам окаменелый,
Там буду жить, пока следы былого
Великолепя не разрушит время
И, сер и сир, не рухнет замок мой.
Пусть порастет травой заветный круг,
Деревья сучья с встречными скрестят,
Берез плакучих ветви в грунт вrastут,
Кустарник превратится в лес мачтовый,
Лохматый мох прильнет к стволам дубов!
Что мне до времени? Ее уж нет,
Чьим ростом исчислять привык я годы.
Священник
Бежать таинственных приманок жизни,
В бесплодное уйти уединенье
Возможно ль человеку, кто привык
Разумным предаваться увлечениям;
Тем более, когда нежданный мрак
Тяжелым грузом на тебя налег?
Прочь, с быстротою взмахов орлих крыльев,
Отсюда — в чужедальные края,
Калейдоскопом мира насладиться!
Герцог

Что делать в чужедальной мне стране,

Когда ее со мною там не будет,

Единственной улады глаз моих?

Что мне холмы и реки, дол и лес,

И эти скалы в их докучной смене,

Когда они одно твердят: а где

Она, кого напрасно ищешь всюду?

К чему мне эта роскошь естества,

Росы алмазы и морская ширь,

Глаголющие: ты ее утратил!

Священник

Но сколько же откроется глазам!

Герцог

Лишь юный взор сумел бы мне вернуть

Природы пренебрегнутую прелесть,

Когда мое бывшее изумленье

Из детских уст нежданно прозвучит.

Вот почему мечтал я города,

Леса, поля, все реки королевства

Объездить с ней — вплоть до морских границ, Чтоб взор ее, впивающий безбрежность,

С безбрежною любовью наблюдать.

Священник

Поскольку ты и в дни безбедной жизни,

Великий муж, не предавался неге

Безделия, а ревностно служил,

У трона стоя, многим сотням тысяч,

Усугубив достоинство породы

Своей высоким званьем «человек»,

Взываю вкупе я со всем народом

К тебе: мужайся! Предоставь другим

Унынье, изнулившее тебя!

Трудом, радением о благе общем

Померкшей жизни мощь ее верни!

Герцог

О, как пуста и как постыла жизнь,

Когда она проходит в тусклой смене

Тревог, трудов и сизнова тревог,

И не предвидишь вожденной цели.

В ней только я и видел эту цель

И радовался, ей гнездо свивая,

Житейский рай, укромный уголок.

Тем я и счастлив был, доступный всем,

Помочь готовый делом и советом.

Ее отец им дорог, думал я.

Они мне благодарны. Как же им

Не полюбить и дочь мою родную!

Священник

Для томной грусти время истекло!

Совсем другие ждуг тебя заботы!

Дерзнуть о них напомнить мне, слуге

Ничтожному? В дни общего разброда

Все взоры на тебя обращены,

В тебе лишь видят силу и оплот.

Герцог

Лишь тот, кто счастлив, силой наделен.

Священник

Твои сомненья породила боль

Израненного сердца твоего,

Но мне она вменяет в долг — тебе

Все высказать, как перед ликом бога;

Сказать, что гнев в низах кипит ключом,

А власть в верхах, чуть что, бессильно рухнет.

Немногим это ясно. Но тебе

Куда виднее, чем толпе бесправной.

Без угрызений совести возьми

Кормило власти в руки! Буря зреет!

О родине радея, боль утраты

Смири! Иначе тысячи отцов

Своих детей безвременно лишатся

И тысячи детей отцов своих

Утратят. Плач надрывный матерей

У гулких врат узилиц не умолкнет...

О, принеси — как жертву на алтарь

Отечества — своих мучений бремя!

И все, кого спасти тебе удастся,

К груди твоей отеческой прильнут.

Герцог

Не призывай из мрачных тайников

Толпы ужасных призраков, которых

Лишь дочь моя умела изгонять

Одной лишь ей дарованною властью.

Нет больше нежной силы, что мои

Заботы в сон блаженный погружала!

Действительность своим тяжелым грузом

Меня грозит раздавить! Прочь, прочь!

Скорее бы покинуть этот мир!

И если мне не лжет твоя одежда,

Веди меня в укромный монастырь,

В монашескую келью. Там, в тиши

Безмолвного затвора, дай покорно

Разлуки мне дожидаться с брэнной жизнью.

Священник

Сан не велит препятствовать тебе!

И все же я сказать тебе дерзну:

Ни в гроб ложиться, ни скорбеть над гробом

Не должен добротный человек.

Он замыкается в себе и в сердце,

Дивясь тому, потерянное сыщет.

Герцог

Все то, чем обладал ты, никогда

До гробовой доски нас не покинет.

Сколь бы ни длилось время, день за днем,

Ты чувствуешь всегда отъятый член,

Недостающий телу. В этом — мука!

Кто жизнь разъятую спясть сумеет?

Умершую — кто возвратит мне?

Священник

Дух!

Дух человеческий, что всем владеет,

Чем истинно он некогда владел.

Так будет жить Евгения твоя

В душе твоей. Та, что тебя учила

Вновь видеть божий мир и жизнь твою

От скверны защищала, нам грозящей

Со всех сторон, покуда мир стоит.

По-прежнему она — надежный щит:

Ее безгрешности священный свет

Погасит ложный блеск мирских соблазнов.

Исполнишь дивной силою ее,

Тем приобщив ее к извечной жизни,

Которой не порушить никому!

Герцог

Дай мне развеять морок тяжких дум,

Порвать тенеты смерти! Да воскреснет

И воцарится в сердце навсегда

Твой образ, вечно юный, неизменный!

Пусть воссиявший свет твоих очей

Мне неустанно светит. Предо мной

Иди, куда б ни шел я. Укажи

Мне верный путь сквозь терний лабиринт!

Нелживый сон, стоишь ты предо мной,

Какой была и будешь. Божество

Задумало тебя как совершенство,

И совершенством в вечности предел

Вступила ты, со мной не разлучаясь.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГАВАНЬ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ ДВОРЕЦ, С ДРУГОЙ — ЦЕРКОВЬ; В ГЛУБИНЕ СЦЕНЫ РЯД ДЕРЕВЬЕВ, ЗА КОТОРЫМИ
ВИДНЕЕТСЯ МОРЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евгения под прозрачным покрывалом на скамье в глубине сцены, лицом обращенная к морю. Воспитательница, судья — на авансцене.

Воспитательница

Мне предписание властное велит,

Покинув сердцевину королевства

И стольный град, направиться сюда,

К морской границе, в ваш далекий порт.

Но шаг за шагом следует за мной

Гнетущая забота. Потому

Я и пришла к тебе, кого в народе

Считают мужем праведным и добрым.

Так будь же путеводной мне звездой!

Прости, что я осмелилась с указом,

Мне полномочья горькие дающим,

К тебе явиться помощи просить.

Давно и всюду чтут тебя: в прошедшем —

Как адвоката, ныне — как судью.

Судья

(внимательно прочитав документ)

Не за мои заслуги, за усердье

Меня иные хвалят. Тем странней

Мне кажется, что ты как раз меня,

Кого сама же в праведниках числишь,

Решилась посвятить в свои дела

И мне прочесть дала бумагу эту,

Способную лишь возмутить меня.

В ней речь идет не о суде и праве,

А о насилье, явном, неприкрытом,

Хотя б его предначертала мудрость.

Невинной, чистой девочки судьбу

Отдать тебе на жизнь и смерть — иль, скажем

Точнее: на полнейший произвол?

И все, будь воин кто или купец,

Должны тебе содействовать во всем

И почитать слова твои законом?

(Возвращает ей бумагу.)

Воспитательница

Будь справедлив и в этом деле. Разве

Свидетелем лишь предписание будет?

И с пострадавшей ты поговори,

Да и со мной, пожалуй, горемычной.

Высокой крови пленница моя.

Всех дарований и достоинств тьму

Ей отпустила щедрая природа,

И лишь закон в правах ей отказал.

И вот она — в изгнанье. Мне велели

От близких увезти ее тайком

И вскорости на острова доставить.

Судья

Навстречу верной смерти от миазмов,
Свирепствующих в тамошних местах.
Она зачахнет в стороне чужой,
Досрочно побледнеют ее щеки,
И дивный образ, некогда пленявший
Мужские взоры, сгинет навсегда.
Воспитательница
Не выноси вердикта так поспешно!
Она невинна — в том сомненья нет,
И все ж она причина грозных бедствий.
Проказливый божок ее метнул
Промеж двух станов яблоком раздора,
И с той поры они живут в разладе:
Один из них ее достойной мнит
Высоких почестей, другой, напротив,
Погибели ей хочет. Смелы оба.
Так тайных козней страшный лабиринт
Двойной петлей обвил ее судьбу.
Коварство долго спорило с коварством,
Пока нетерпеливый пыл одних
В канун возвеличения ее
Не убыстрил развязку. Тут враги
Покончили с притворством и к насилью
Прибегли, угрожая и престолу.
И вдруг пришел указ: вину с виновных
Немедля снять и устранить причину
Безвинную великого раздора —
Изгнать ее и заодно меня.
Судья
Судить тебя не буду. Признаюсь,
И мысли я не допускал, что власти
Творят такое. Видно, и они,
Кичась величием, редко поступают,
Как честь велит и совесть. Ужас, страх
Пред большим злом великих принуждают
Зло истреблять спасительным злодейством.
Что ж, делай, что велят тебе! Уйди

Из предназначенной мне малой доли.

Воспитательница

От этой малой доли я и жду

Ей и себе спасенья! Не гони нас!

Воспитаннице я своей давно

Уже внушала, что лишь в узком круге

Сословья среднего бытует счастье.

Когда б она от доли отказалась,

Ей недоступной, обрела бы мужа —

Защитника и обратила взор

С высот, грозивших ей изгнанием, смертью,

К домашнему укладу и к семье,

Напасти наши кончились бы, долг

Тяжелый был бы снят с меня, и с ней

Домой, на родину б, мы возвратились.

Судья

Ты странные мне вещи говоришь.

Воспитательница

Не кой-кому, а мудрому судье.

Судья

Она свободна, лишь бы муж сыскался?

Воспитательница

Я на приданое не поскоплюсь.

Судья

А сыщется ли муж в одно мгновенье?

Воспитательница

Мгновенно загорается любовь.

Судья

Кошунственно венчаться с незнакомкой.

Воспитательница

Нетрудно сразу распознать ее.

Судья

Враги жены опасны и супругу.

Воспитательница

Конец вражде, лишь повенчают вас.

Судья

Откроют мужу, в чем супруги тайна?

Воспитательница

Да, если муж доверье заслужил.

Судья

И в брак она вступает добровольно?

Воспитательница

Чтоб горестной судьбины избежать.

Судья

Но если так, то честно ли жениться?

Воспитательница

Не мудрствуй, а спеши ее спасти.

Судья

Что для нее теперь всего важнее?

Воспитательница

Без промедленья дать тебе ответ.

Судья

Не терпит отлагательства решение?

Воспитательница

Попутный ветер зыблет паруса.

Судья

Ты о таком ей браке говорила?

Воспитательница

Всего лишь намекала ей о нем.

Судья

И эта мысль не вызвала отпора?

Воспитательница

Былых надежд не забываешь вдруг.

Судья

И эти грезы будут неизбывны?

Воспитательница

Морской волной их смоеет навсегда.

Судья

Она страшится с родиной расстаться?

Воспитательница

И для меня расстаться с нею — смерть.

Но почему, наш добрый покровитель,

Нам тратить столько бесполезных слов?

Ты молод, честен, преисполнен верой

И бескорыстьем — при такой оснастке

Не так уж трудно подвиг совершить.

Есть у тебя и круг друзей достойных,

Тебе подобных — равных не скажу.

Что ж, присмотришься к сердцам своих друзей, Сравни их с сердцем собственным, и если

Один из вас всех прочих превзойдет

Решимостью и преданной любовью,

Сокровищем пускай владеет он,

И да благословит его господь!

Судья

Да, ты права, пожалуй! Не могу

Наедине с собой принять решение.

Дай с ней поговорить!

Воспитательница быстро направляется к Евгении.

Что суждено, Того не миновать! В делах привычных,

Обыденных, обдумывать уместно.

Но высшее, чем нас дарит судьба,

Нисходит к нам неведомо откуда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евгения. Судья.

Судья

Вот ты пришла, красавица, ко мне,

И я в сомненье; правду ль мне сказали?

Ты, говорят, несчастна, а приносишь,

Куда ни ступишь, радость, счастье, свет.

Евгения

Ты первый из встречавшихся в пути,

К кому, как к провиденью, я взываю;

Так добр и благороден облик твой,

Что робость в сердце незаметно тает.

Судья

Заслуживал бы жалости и взрослый,

Попавший в обстоятельства твои,

Тем более пронзает душу мне

О помощи взывающая юность.

Евгения

Недавно я, из мрака мнимой смерти

Воспрянув, вновь узрела божий свет.

Но вспомнила не сразу, что с конем

Мы сорвались с кремнистого утеса...

И вдруг очнулась! Увидала вновь

И этот мир, и мудрого врача,

Склонившегося надо мной, простертой;

И в любящих глазах отца, и в звуке

Его речей я снова ощутила

Дыханье жизни радостной. Но вот

Повторно от паденья с крутизны

Я воскресаю! Чуждым, странным мир

Мне предстает. Людей снующих тени

И даже голос твой — всё как во сне.

Судья

Когда чужие нас дарят участием,

Они нам ближе близких. Те подчас

На наши беды смотрят равнодушно:

«Так-де бывает!» Чувство в них молчит.

Да, жребии твой печален, но насколько

Неотвратим он, не ответишь сразу.

Евгения

Что я могу сказать? Враждебных сил,

Меня в несчастье ввергших, я не знаю.

Ты объяснялся с женщиною той.

Ей все известно. Я лишь подчиняюсь.

Судья

Гоненье высшей власти на себя

Ты навлекла невольною ошибкой.

Ни в жалости людской, ни в уваженье

Глубоком отказать тебе нельзя.

Евгения

В сознании сердечной чистоты,

Я все гадаю: чем я провинилась?

Судья

Упасть на ровном месте — не беда,

Но, на вершине оступиться — гибель.

Евгения

На ней-то я и упивалась счастьем!

Его избыток мне слепил глаза,

Высокий жребий окрылял мой дух,

Ведь я залог его в руках держала.

Лишь малый срок осталось переждать —

И сбудутся, казалось, все мечты!

Но я поторопилась, поддалась

Соблазну чудному. И в том мой грех.

Я не сдержалась, заглянула в ларь

Запрету вопреки. Ужель за это —

Такая кара? Разве, преступив

Завет, уже утративший свой смысл,

Я заслужила вечную опалу?

Так правда то, что древнее преданье

Глаголет нам? Что проклят род людской

Был господом за грех одной четы,

От плода подзапретного вкусившей?

Так был и мне, как в сказке, ключ вручен.

Я отомкнула им запретный ларь

И этим обрела себе погибель.

Судья

Источник бед не так легко найти,

А и найдешь, меж пальцев он сбегает.

Евгения

В моих проступках малых тщетно б я

Искала корень наступивших бедствий,

Причину выше надобно искать!

Два мужа, от которых я ждала

Великих перемен в моей судьбе,

Притворно, зная, друг с другом помирились, И распря двух воинствующих станов,

Скрытая досель от глаз людских,

Открыто вскоре выйдет на простор!

Чего я прежде смутно опасалась,

Вдруг стало явью, на погибель мне,

И гибелью грозит всему на свете.

Судья

Мне жаль тебя! Ты обрекаешь мир

Погибели, отчаянно поддавшись.

А в дни беспечной юности твоей

Тебе он не казался светлым раем?

Евгения

Кого пленял он больше, чем меня,

Своим роскошным, царственным убранством?

В нем все меня дивило красотой

И радостью. Чего бы только взор

Ни возжелал, он получал сторицей.

А кто мне уготовил этот рай,

Как не отец, как не любовь его?

О малом он радел и о великом

И осыпал подарками меня;

А между тем готовил ум и тело

Для воспринять дивных благ земных.

Вся эта роскошь пышная могла б

Меня изнежить, даже обессилить;

Но он еще с детства пристрастил

Мой дух к отважным рыцарским забавам.

Как часто предавалась я мечте

Умчаться на коне в чужие страны.

Но любящий отец мечтал и сам

Со мной поехать к морю, предвкушая,

Как будет он восторженно следить

За тем, как я впиваю ширь морскую.

И вот я здесь. Но кажется, что ширь

Томит меня, и давит, и тревожит.

Как тесен мир, как никнет небосвод,

Когда тоска твое сжимает сердце!

Судья

Несчастливая! Тебя с твоих высот

Низвергла беззаконная комета

И, падая, мой путь пересекла.

Отныне мне отвратен навсегда

Морской простор... Когда в часы заката

Возляжет Феб на огненное ложе,

Всем очи увлажнив слезой восторга,

Я отвернусь, чтобы судьбу твою

Злосчастную оплакать. Ибо там,

За полосой тускнеющего моря,

Мне будет видеться твой страдный путь.

Там ты не встретишься с манящей негой,

А с нахлынью неисчислимых бед!

Там солнца раскаленное ядро

Новорожденной тверди не осушит,

Там стелются в низинах пеленой

Зыбучей ядовитые пары,

В притворах смерти, мертвенно-бледна,

Ты будешь тщетно жаждать исцеленья.

Сияющая юной красотой

Безвременно добычей смерти станет.

Евгения

Ты мне открыл ужасное! Так, значит,

Туда меня увозят? В дикий край,

Который — помню с юных лет! — зовут

Земным подобьем ада? Где в иссохших

От зноя тростниках, в гнилых болотах

Таятся тигры лютые и змеи,

Где путника преследует живая

И жалящая туча мошкары,

Где дуновенья гибельных ветров

Страданья длят и сокращают жизнь?

Я думала просить, теперь — молю:

Ужели ты в беде мне не поможешь?

Судья

Губительный могучий талисман —

В руках твоей наперсницы суровой.

Евгения

Что толку в правосудье, раз оно

Отказывает в помощи безвинной?

И вы на что, кичащиеся тем,

Что правом усмирили произвол?

Судья

Лишь в тесном круге подчиняем мы

Законности что происходит в жизни

Обыденной, на малой высоте.

Но что творится в выспренных пределах,
Что там вершат и тайно замышляют,
Возносят, губят, бога не спросясь, —
Иною мерой мерится, видать. Какою?
Остается нам загадкой.

Евгения

И это все? И больше ничего

Ты мне не скажешь?

Судья

Ничего.

Евгения

Не верю, Не в силах верить!

Судья

Ах, уволь меня!

Ужель я притворяться должен трусом

Беспомощным? Не лучше ль указать

Тебе на путь единственный спасенья?

Но разве в самой смелости такой

Не кроется опасность? Что, как ты

Меня поймешь превратно, заподозришь,

Что мой совет корыстью обусловлен?

Евгения

Нет, нет! Не отпущу! Ты послан мне

В суровый час счастливою звездой.

С младенчества и до недавних дней

Меня от бед оберегало счастье;

Теперь ты заступил его права.

Как мне не знать, не чувствовать, что ты

Во мне участие принял? Не напрасно

Я здесь стою. Не сомневаюсь, что,

Во всеоружье знаний, ты сумеешь,

Захочешь мне помочь в моей беде.

Еще не все пропало! Ты найдешь,

Быть может, уж нашел, пути и средства

Спасти меня. Об этом говорит

Твой взор глубокий, дружески-правдивый.

Не оставляй меня! Произнеси

Способное меня утешить слово!

Судья

Так на врача с надеждою глядит

Недугом обессиленный больной,

Моля спасти его от близкой смерти,

Врача едва ль не богом почитая.

Но врач такое средство называет

Несчастному, которое сулит

Ему — пеной страданий и увечий —

Лишь жизнь, но не здоровье сохранить.

Ты молишь о спасении? Спасти

Тебя — возможно, прошлого — нельзя.

А быть иной, чем некогда, ты — в силах?

Евгения

Лишь о спасении взывает тот,

Кому грозит могилы темный зев.

С него довольно прелести земной,

Довольно жизни, зелени и света.

А что потом удастся отстоять

И что утратить, жизнь всегда подскажет.

Судья

А кроме жизни просишь ты о чем?

Евгения

О милых далях родины моей.

Судья

Но это слово многое объемлет.

Евгения

Все мое счастье в нем заключено.

Судья

Чем одолеть мне приговор изгнанья?

Евгения

Высокой добродетелью твоей.

Судья

С верховной властью не легко тягаться.

Евгения

Уж так ли всемогуща эта власть!

Уверена, что ты среди законов

Для высших и для низших обнаружишь

Возможный выход. Вижу по улыбке,

Что ты нашел его! Так говори!

Судья

Что толку, дорогая, говорить

Мне о возможностях. Возможным всё

Надеждам нашим кажется. Но планам

Столь многое извне и изнутри

Препятствует пресуществоваться в явь.

Что я могу сказать тебе? Уволь!

Евгения

Пускай оплошно, да скажи! Позволь

Хотя б на миг один воображенью

В сомнительный отправиться полет!

Один исход негодный за другим

Мне предлагай! Ведь выбор-то за мною.

Судья

Есть способ — но единственный — тебе

На родине остаться. Способ, многим

Желанный даже, господу угодный

И человеку. Святостью его

Ограждены мы им от произвола.

И всякому, кто таинству сему

Причастен, обеспечено довольство,

И счастье, и покой — как на земле,

Так и в загробной жизни, в кущах рая.

Его нам завещали небеса,

Всем предоставивши им овладеть

Отвагой, добротой и любовью.

Евгения

Какой то рай, в загадки облаченный?

Судья

Небесный рай, но созданный людьми.

Евгения

Я с толку сбита. Мне не угадать.

Судья

Не угадать? Ты так чужда тому?

Евгения

Там видно будет. Выскажись ясней.

Судья

Я — о замужестве возможном...

Евгения

Что?

Судья

Я все сказал. Теперь решай сама!

Евгения

Замужество? Мне это слово страшно!

Судья

Подумай и ответь мне: почему?

Евгения

В былые дни мне звук его был чужд,

Теперь мне ненавистно слово это,

Способное мой крест лишь отягчить.

Хоть знала я, конечно, что отец

И наш король мне жениха укажут,

Но я о нем не грезила ничуть,

И тайной страсти сердце не питало.

И вдруг я думать, чувствовать должна,

О чем и мыслить было б мне зазорно!

Должна мечтать о муже, ничего

Не ведая о нем, не встретясь даже,

И в счастье, что сулит нам Гименей,

Корыстно видеть средство для спасенья!

Судья

Достойному мужчине никогда

Страдалица в доверье не откажет.

Кто б ни был он, он защитил ее,

И этим стал ей близок. Нет прочней,

Надежней связи спасших со спасенной.

Что надобней всего супруге? Прочность

И подзащитность. Знать, что никогда

Ей в помощи, а поддержке не откажут.

И это чувство смелый человек

Внушает женщине, в беду попавшей

Нечаянно, мгновенно и навеки.

Евгения

Но где он ваш, мне суженный, герой?

Судья

Мужчин немало в городе у нас.

Евгения

Но я-то не известна никому.

Судья

Жемчужину не убережь от глаз.

Евгения

Не искушай доверчивой души!

Где равный сыщется, кто б предложил,

Униженной, мне руку? Да и смею ль

Я от него принять такой подарок?

Судья

Что нам неравным кажется, не раз

На нашей памяти теряло разность,

В извечной смене погашают зло

Благие всходы, радости — печаль.

Ничто не прочно. Тягостный разлад,

День ото дня меняясь неприметно,

Гармонию, быть может, обретет.

И, возвышаясь надо всем, любовь

Соединяет с небесами землю.

Евгения

Пустой мечтой меня ты утешаешь!

Судья

Ты спасена, уверовав в нее.

Евгения

Так где ж он, мой спаситель? Укажи!

Судья

Тебе свою он руку предлагает.

Евгения

Ты? Что вскружило голову тебе?

Судья

Я так решил — сегодня и навеки.

Евгения

Мгновенье это чудо породило?

Судья

Мгновенно все вершится чудеса.

Евгения

Но ведь поспешность — мать заблуждений.

Судья

Не ошибется, кто видал тебя.

Евгения

И все же опыт — лучший нам наставник.

Судья

Я верю сердцу. Опыт тоже может

Нас с толку сбить. Позволь признаться мне: Лишь час назад я вопрошал себя,

Томимый одиночеством: чем в жизни

Я мог бы похвалиться? Состояньем?

Признанием трудов моих?.. И тут же

О браке я подумал, перебрал

Былые встречи... Дар воображенья

Немало лиц знакомых воскресил;

Но ни одно не взволновало сердце.

Тут ты явилась. И открылось мне

Все, что мне надо. Ты — судьба моя.

Евгения

Изгнанница безвестная, могла б

Гордиться я и радоваться только

Тем, что твою я обрела любовь,

Когда бы я не думала о счастье

Того, кто благородством всех затмил,

В последний час мне помощь подавая.

Уж не ошибся ль ты? Ужель дерзнешь

Ты с силой, мне враждебной, потягаться?

Судья

Не с ней одной! Желая оградить

Нас от мирской, вседневной суеты,

На пристань нам всевышний указал.

Лишь в доме, где спокойно правит муж,

Бытует мир, который ты напрасно

Искала бы в далекой стороне,

Ни зависти, ни гнусному коварству

Ни клевете, ни буйным схваткам партий

Нет доступа в наш заповедный круг;

Там правит лишь любовь и трезвый разум,

Невзгоды скоротечные смягчая.

Доверься мне! В себе-то я уверен,

Я знаю, что я вправе обещать.

Евгения

Ты в доме сам себе король?

Судья

А как же?

Да и не я один, а все мужья,

И добрые, и злые. Никогда

Власть не вторгалась в дом, где муж глумится

Безбожно над страдальцей женой,

И не препятствовала самодуру

В несчастной радость жизни убивать.

Кто слезы ей осушит? Ни закон,

Ни трибунал вины с него не взыщет.

Он здесь король и бог! Жена ж безмолвно

Обиды терпит, вянет, сходит в гроб.

Обычай и закон издревле дали

Супругу нерушимые права,

На ум мужской и сердце полагаясь.

Что до меня, не рыцарскую доблесть,

Не родословье в дар тебе несу я,

Любимая, а мой надежный кров:

Раз ты моя, ничто тебе не страшно,

Ни от кого опасность не грозит.

Пусть сам король потребует тебя,

Как муж и с королем я потягаюсь.

Евгения

Прости! Еще не отмерло во мне

Прошедшее. А ты, мой добрый гений,

Глядишь лишь на оставшееся мне.

А что это за малость! И ее

Меня ценить ты учишь? Пробуждаешь

Своей любовью ту, кем я была?

Чем отдариться мне за этот дар,

Когда не вечной сестринскою дружбой!

Но и признав себя твоей должницей,

Женой твоею стать я не могу.

Судья

Как быстро ты надежды наши рушишь!

Евгения

Мне рушить безнадежность их велит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Воспитательница.

Воспитательница

Попутный ветер пробуждает флот.

Уж на посадку — по ступеням, вниз —

Спешит толпа. Объятыя, вздохи, плач!

И с кораблей и с пристани платки

Последний знак прощальный подают.

Вот-вот поднимет якорь наш корабль!

Чего нам медлить? Нас-то уж никто

Ни окликом, ни плачем не почтит.

Судья

Нет, есть кому оплакивать и вас!

Вот вам-то и протянет скорбный друг

Спасительную руку. Может быть,

Вы все ж опомнитесь в последний миг

И счастье не упустите навек.

(Евгении.)

Еще недавно я тебя назвал

Своей судьбой желанной. Неужель

С тобой мы навсегда должны расстаться?

Воспитательница

К чему свиданье ваше привело?

Судья

Готов предстать я с ней пред алтарем.

Воспитательница

А ты ему на это что сказала?

Евгения

Что не забуду доброты его.

Воспитательница

И все же руку ты его отвергла?

Судья

А значит, и спасение свое?

Евгения

Иная близость дали недоступней.

Воспитательница

Вдали — увы! — для нас спасенья нет!

Судья

Обдумала ты, что тебе грозит?

Евгения

Всё, вплоть до мелочей, и даже — смерть.

Воспитательница

Так, значит, жизнь тебе недорогога...

Судья

...и светлый праздник брачного союза?

Евгения

Мой праздник был, да сплыл... Других — не надо.

Воспитательница

Утраченное трудно ль возместить?

Судья

Мгновенный блеск — незамутненным счастьем.

Евгения

Без блеска мне и счастье ни к чему.

Воспитательница

Довольствоваться надобно возможным.

Судья

Любовь и верность — что дороже их?

Евгения

Как ваши поученья мне постыли!

Терпенья нет внимать пустым словам.

Судья

Ах, знаю я, как тягостно порой

Непрошеную помощь принимать.

Двоится чувство: помощь обязует

Нас к благодарности, а в сердце нет

И признака ее. Но пред разлукой

Позволь мне, по обычаю, вручить

Гостинец вам, чтобы в бесплодном море

Вас услаждали родины плоды.

Ну, а потом я буду влажным взором

Следить за тем, как исчезает парус,

А вместе с ним и светлые мечты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Погибель и спасение мое

В твоих руках. О, сжался! Заклинаю,

Не увози меня на острова!

Воспитательница

Всецело ты зависишь от себя.

Ты выбираешь. Я лишь покоряюсь

Руке, сурово нудящей меня.

Евгения

Какой тут выбор? Меж неотвратимым

И невозможным выбирать нельзя.

Воспитательница

Твой брак возможен, ссылка отвратима.

Евгения

Лишь то возможно, что душа приемлет.

Воспитательница

Ты много можешь сделать для него.

Евгения

Верни мне прошлое, и я сумею

По-царски наградить его за все.

Воспитательница

Вот наградила б ты его теперь

И сразу вознесла б его высоко!

Недворянину нелегко достичь

Высоких почестей. Ему годами

Приходится работать за других.

Иное дело — светская жена!

Затем они и ищут в высшем круге

Себе супругу, пренебрегши низшим.

Удастся залучить ее, она

Кратчайший путь всегда ему проложит.

Евгения

Я сокровенный смысл твоих речей,
Обманчивых и лживых, опознала.

На деле все иначе обстоит:

Супруг жену, невольно или вольно,

В свой неизменный вовлекает круг;

Столь многим поступившейся невмочь

Его вести своей стезею к цели.

Из низкой доли муж жену возносит,

Из высших сфер ее низводит он.

Исчезнет прежний облик навсегда,

Минувших дней слепящий блеск угаснет,

Воспоминанья — кто у ней отнимет?

Утраченное — кто ей возместит?

Воспитательница

Ты нас обеих смерти обрекла,

Евгения

Еще я не утратила надежд.

Воспитательница

Но любящий тебя — давно утратил,

Евгения

Быть может, равнодушный здесь уместней?

Воспитательница

Для выбора все сроки истекли,

Судьбу ты предрешила, так идем!

Евгения

О, если б мне, хотя бы только раз,

Тебя увидеть прежней, доброй, кроткой,

Какой тебя я знала с давних лет!

Благого солнца светозарный блеск

И месяца мерцающая мгла

Мне были не желаннее тебя.

О чем я ни просила, все сбывалось,

Чего бы ни страшилась, страх стихал.

И если от ребенка мать родная

Скрывалась в недоступных мне дворцах,

Ты мне избытком материнских ласк

Ее пренебреженье возмещала.

С чего ты изменилась так? С лица

Все та же ты, любимая сыздетства,

Но сердце кто-то подменил твое...

Бывало, я просила безотказно

Тебя и о великом и о малом.

И с тем же чувством детского доверья

О самом главном я к тебе взываю.

Нет, не унижусь я, когда паду

Перед тобою ниц, как перед богом,

Отцом иль государем: помоги!

(Опускается на колени.)

Воспитательница

Припав к стопам моим, ты надо мной

Глумишься втайне? Не терплю притворства!

Евгения

Жестокость и в словах и в обращенье

Я от тебя должна претерпевать?

Тебе мой сон развеять удалось.

Свою судьбу прозрела я сполна:

Не я всему виной, не распря сильных,

А только злоба брата; ты ж ему —

Сообщница, покорное орудье.

Воспитательница

Как зыбки обвинения твои.

При чем тут брат? Да, злобствовать он может, Но властью он еще не облечен.

Евгения

Пусть злобствует! Еще не чахну я

В безлюдной, богом проклятой пустыне!

Вокруг меня шумит родной народ,

Живой народ, родительское чувство

Которому понятнее, чем вам.

Я обращусь к нему. И за свободу

Мою простой поднимется народ.

Воспитательница

Общались ты когда-либо с толпой?

Она к сторонним бедам равнодушна.

А если даже дрогнет, до конца

Не доведет столь чуждого ей дела,

Евгения

Холодным словом веры не убьешь,

Как счастье некогда — преступной ложью!

Там, в городе, я жизни жду от жизни,

Там, где народ довольствуется малым,

Где сердце каждого из горожан

Открыто сострадательной любви.

Меня ты не удержишь! Громко я

Вокруг меня толпящимся открою,

Каким невздам я обречена.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ГАВАНЬ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Мы прочной цепью скованы с тобой,

Ужель поддамся я и в этот раз?

Будь проклят голос, некогда меня

Слепому послушанью научивший

И походя сумевший овладеть

Моей еще беспомощной душой!

Из уст твоих узнать мне довелось

Значенье слов, величье языка,

Раздолье речи, тайны естества,

Всё — вплоть до глубины девичьей души.

И вот теперь волжбою тех же чар

Смирила ты меня, поработила,

Сковала чувства, замутнила душу, —

В обитель мертвых хочется сойти...

Воспитательница

О, если б сила этих вещей чар

Сказалась в час, когда я так молила

Тебя отречься от былых надежд!

Евгения

Ты знала, что грозит мне. Почему ж

Меня не упредила ты о том?

Воспитательница

Намеками тебя я вразумляла:

Прямое слово означало б смерть.

Евгения

Как недомолвка — верное изгнание,

Отсрочку недалекого конца.

Воспитательница

Беда — предвиденная или нет —

Обеих нас одной петлей связала.

Евгения

Почем я знаю, много ли тебе

В награду за измену обещали?

Воспитательница

В награду? Не на тех ли островах

Мне ждать ее, куда нас увезут?

Евгения

В плавучую тюрьму я не пойду

По доброй воле! Этого не жди.

Воспитательница

Ты раз уже толпу звала на помощь.

Послушали тебя и разошлись.

Евгения

В неистовом отчаянье моем

Я им могла безумной показаться.

Но нет, ни лживым словом, ни насильем

Ты впредь меня не сможешь удержать!

По направлению к пристани спешат

Нарядною толпою горожане

Полюбоваться видом кораблей,

Готовых — нам на горе! — в путь пуститься.

Уже пред губернаторским дворцом

Застыла стража. Вот он сам выходит,

Блистательною свитой окружен.

Я все ему открою без утайки.

И если он достойно короля

В его владенье дальнем представляет,

Он в милосердьи не откажет мне.

Воспитательница

Попробуй! Но имен не называй,

А посвяти его лишь в сущность дела.

Евгения

Я назову их, только в нем уверяюсь.

Воспитательница

Он благородный юноша, и все,

Что может сделать, выполнит охотно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Губернатор. Свита.

Евгения

Простишь ли ты пришельце проступок?

Позволишь ли с тобой поговорить?

Губернатор

(пристально вглядываясь в нее)

Кто с первого же взгляда мне внушил

Доверье, тот участия достоин.

Евгения

Пришла я не по радостному делу,

Под натиском грозящей мне беды.

Губернатор

Мой долг тебя избавить от нее

Или хотя бы облегчить невзгоды.

Евгения

Я древнего прославленного рода,

Но имя мне приказано таить,

Губернатор

Забвенью предаются имена,

Но чудный образ сердце не утратит.

Евгения

Меня с отцом обманом разлучили

И силою доставили сюда.

Губернатор

Какой злодей кощунственной рукой

Посмел коснуться девы беспорочной?

Евгения

Как знать! Но мне сдается, что удар

Направлен был сородичем моим.

Корыстью и друзьями поощренный,

Мой брат меня задумал погубить!

И эта женщина — вторая мать,

Как мне казалось, — с ними заодно...

Воспитательница

...во избежанье большего несчастья,

Которого — увы! — не отвратить.

Евгения

Я с ней должна подняться на корабль,

Который нас на острова увозит!

Воспитательница

То, что я с нею еду, — верный знак

Приязни материнской и заботы.

Губернатор

Простите, уважаемые дамы,

Что юноша годами, но давно

В земных делах понаторевший муж,

Вас выслушав, не знает, что сказать.

Доверие внушаете вы обе,

Но тут же подрываете его

Взаимным несогласьем. Потому

Я и не знаю, как распутать мне

Нерасторжимый узел, вас связавший.

Евгения

Я многое могла б тебе сказать.

Воспитательница

И от меня узнал бы ты немало.

Губернатор

Пришлось мне слушать столько лживых басен, Что истину, окутанную тайной,

Я часто принимаю за обман.

Евгения

Раз ты не веришь мне, так нет спасенья!

Губернатор

Здесь, и поверив, нелегко помочь.

Евгения

О, только отпусти меня к родным!

Губернатор

Детей пропавших приютить, тем паче

Отвергнутых корыстною родней, —

Для доброхота безотрадный труд.

Тут сразу о наследстве вспыхнет спор,

О том, не самозванец ли пришлец,

Некстати объявившийся. В одном лишь

Враждующие родичи всегда

Сойдутся дружно: во вражде к тому,

Кто в их ввязался свару. Сколько раз

Случалось, что заступник бескорыстный

В пристрастье обвиняем был судом.

А потому прости мне, что не сразу

Я положительный даю ответ.

Евгения

Когда большой вельможа так опаслив,

Так кто же нас, гонимых, защитит?

Губернатор

Надеюсь, ты меня не упрекнешь,

Когда тебя, за полным недосугом,

Я только завтра утром попрошу

Прийти ко мне пораньше, чтоб подробнее

Порассказать мне о своей беде.

Евгения

С великой радостью приду. Прими

Заранее спасибо за спасенье.

Воспитательница

(предъявляя ему бумагу)

А если не придем мы на свиданье,

Нас оправдает этот документ.

Губернатор

(внимательно прочитав бумагу, возвращает ее) Мне остается только пожелать

Вам доброго пути да веры в бога.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Так вот он, талисман, которым ты

Меня в неволе держишь и который

Вселяет страх в заступников моих.

Дай мне прочесть мой смертный приговор!

Свою я участь знаю, но хочу

Узнать, кто мой гонитель беспощадный.

Воспитательница

(протягивая ей бумагу)

Что ж! Прочитай указ!

Евгения

(отвернувшись)

Нет сил взглянуть!

Не разорвется ль сердце, если я

Под ним увижу подпись государя

Или родителя? Еще я тещусь

Надеждой, что подкупленный чиновник

В угоду брату власть свою превысил.

Тогда спасенье есть! Мужайся, сердце!

Дай мне взглянуть на подпись.

Воспитательница

На! Смотри!

Евгения

(вновь отвернувшись)

Нет! Не могу решиться... Будь что будет!

Спасенья я не жду. Лишилась я

Всех радостей и благ земного мира.

Не лучше ль мне отречься от него?

Ты возражать не станешь! Все враги

Хотят толкнуть меня, еще живую,

В отверстую могилу. Так позволь

Прибегнуть к церкви мне: она немало

Невинных жертв успела поглотить,

Вот монастырь! Его врата ведут

В обитель тихих радостей и слез.

Позволь мне сделать этот шаг в неизвестность!

С чем там я встречу, с тем и примирюсь.

Воспитательница

В сопровожденье двух монахинь сходит

Игуменья с предвратных ступеней,

Юна годами и высокородна.

Откройся ей. Не буду возражать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Игуменья. Две монахини.

Евгения

В тревоге и смятении, в разладе

С собой и с миром, я стою у врат

Обители. Плачевная юдоль

И ужас предлежащий привели

Меня к тебе. В несчастье беспримерном

Я уповаю только на тебя.

Игуменья

Коль скоро нам дозволено делиться,

Достойная прищелица, с тобой

Блаженством нашим и покоем в боге,

Узнаешь ты из уст моих сестер

И от меня, как обретают счастье

Нетленное и ныне и вовек.

Евгения

Страданиям моим предела нет!

И силою божественного слова

Не так-то их легко уврачевать.

Прими меня к себе! Но дай сперва

Мне выплакать всю горечь, всю тоску,

Чтоб сердце вновь внимало утешеньям.

Игуменья

Нередко наблюдала я, как слезы

Земные претворяются в улыбку

Небесную в обители святой.

Но силою к нам вторгнуться нельзя;

Сестра немало искусов тяжелых

Должна пройти, чтоб пострига добиться.

Воспитательница

Достоинство нетрудно опознать,

Нетрудно и пройти чрез испытанья.

Игуменья

Не сомневаюсь, благородна ты

И в состоянье вклад внести достойный.

Тем самым доступ облегчен тебе

В наш монастырь. Признайся мне во всем.

Евгения

Молю тебя, возьми меня к себе!

Сокрой меня от мира в тайной келье.

Прими все достояние мое.

Мой вклад велик, но я его пополню.

Игуменья

Нас трогает краса твоя и младость

И подкупает благородство чувств.

Не откажу тебе в святом приюте.

Дай мне прижать тебя к моей груди.

Евгения

Ты материнской ласкою своей

Мятежное уврачевала сердце

В груди моей. Последний всплеск волны

Отхлынул вспять. Я на надежном берегу.

Воспитательница

(становится между ними)

Да, если бы не твой жестокий жребий!

Прочти указ и пожалей нас, бедных.

(Передает игуменье бумагу.)

Игуменья

(прочитав ее)

Зачем ты преднамеренно дала

Начать нам бесполезный разговор?

Здесь явно виден высший перст — пред ним

Склоняюсь я смиренно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Высший перст?

Ужели лицемерка говорит

О вездесущем? Непричастен бог

К безбожным ковам. Или короля

Она в виду имела? Я опалу

Его снесу покорно. Но не след

Сомненьями мне тешиться, витать

Меж страхом и надеждами, по-женски

Щадить свое измученное сердце,

Потворствуя изнеженности чувств.

Нет, будь что будет! Дай мне прочитать

Указ ужасный. Кем бы ни был он

Подписан, этот смертный приговор, —

Отцом иль государем, я спокойно

Взгляну в глаза неумолимой силе,

Которая меня повергла в прах.

Хочу предстать пред ней лицом к лицу:

Ужасен взгляд невинности гонимой!

Воспитательница

(подавая бумагу)

Когда же я отказывала в том?

Евгения

(еще не развернув бумаги)

Мы странно наделены чертой:

Великое несчастье испытав,

Мы будто ждем утрат и бедствий худших...

Ужель мы так богаты, силы неба,

Что разом нас всего лишить нельзя?

Все отнял от меня казнящий рок,

И все ж указ грозит мне большей карой.

(Разворачивает бумагу.)

Итак, мужайся, сердце! Пей до дна,

Не отрываясь, кубок, яда полный.

(Читает.)

Печать и подпись короля!

Воспитательница

Родная!

Себя жалея, не кляни меня.

Я лишь затем покорствовала власти

И вызвалась тебя сопровождать,

Чтоб облегчить страдания твои,

Не отдавать тебя в чужие руки.

Позднее ты узнаешь, что? меня

Заставило согласие дать; пока —

Еще не время. Так не обессудь:

Железная необходимость нам

Велит теперь готовиться к отплытью.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Евгения (одна), затем Воспитательница (в глубине сцены).

Евгения

Пустынею мне кажется страна,

Когда-то милая, шумливый порт,

Людьми кишаший, — я как перст одна.

Здесь судьи произвол смиряют правом,

Приказам повинуются войска,

Священники мольбы возносят к богу

И о достатке грезит черный люд.

Лишь я одна, безвинная, в забросе:

Ничья рука меня не защитит.

Приюта мне не обрести; ни в ком

Не шевельнется мысль подать мне помощь.

Изгнанье! Я извела сполна,

Что значит это слово роковое,

Я — будто член отмерший; для меня

В жизнеспособном теле места нет.

Полуживой мертвец, лежу в гробу,

Бессильно сознавая, что несут

Меня могиле вырытой предать.

О, участь неизбывная! Но так ли?

Мне выбор предоставлен: я могу

Всегда прибегнуть к помощи того,

Кто благородно предложил мне руку.

Но это означало бы от прав

Рождения высокого отречься.

А в силах ли я навсегда порвать

С мечтою горделивой? Никогда!

Схвати меня железными руками,

Нешадный рок! И грозно повели

Одну беду из двух избрать вслепую.

Остановиться на одной из них

Не легче ли, чем колебаться все?

Воспитательница в сопровождении носильщиков с немалым грузом проходит в глубине сцены.

Вот понесли сокровища мои —

Последнее, что у меня осталось,

Коль грабежа враги не довершат.

Опустят груз. И позовут меня.

Попутный ветер вымпелом играет,

И вскоре напрягутся паруса;

Уж флагманский корабль покинул порт,

А вот и наш корабль зашевелился.

Идут за мной! Зовут! О, боже мой!

Ужели из железа небосвод

И этой тверди не прорвать мольбою?

Итак, иду! Но — видит бог! — меня

Плавучая тюрьма не поглотит:

Последняя доска пред входом в ад

Ступенью станет первою к свободе.

Примите же меня, крутые волны,

И опустите на морское дно,

Где вечная зияет тишина!

А позже, если мир меня забудет

И мне ничем не сможет угрожать,

Прибейте к берегу мой застывший труп,

И набожной рукою поселянин

Меня предаст возлюбленной земле.

(Делает несколько шагов.)

Иду!

(Запнувшись.)

Иль мне уж неподвластны ноги?

Что с места мне препятствует сойти?

Ужели недостойною любовью

К постылой жизни я пригвождена?

Изгнанье, Смерть, Бесчестье заключили

Меня в нерасторжимое кольцо, —
Куда ни глянешь, чудища повсюду,
И отвернувшись, их не избежать!
Ужели нет ни на земле, ни в небе
Спасенья от бесчисленных этих мук?
О, если б долетело до меня
Из чьих-то уст пророческое слово
Иль птица мира моего плеча
Наставнически перышком коснулась!
Безропотно я покорюсь судьбе,
Как только знак она мне явит зримый,
Священный знак! — Любую я приму
Доверчиво, исполнена надеждой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евгения. Монах.

Евгения

(некоторое время стоит, взглядываясь в даль и вдруг завидев монаха) Я спасена! Грешно тому не верить.

Вот он, моленный вестник, кто меня
Освободит от тягостных раздумий
И верный путь перстом укажет мне.
Ему открыться я во всем готова!
(Идет ему навстречу.)

Отец мой! Дай мне это обращенье,
Столь непривычным ставшее, теперь
Перенести с любовью на тебя!
Я о себе немного скажу.

И не как умудренному годами,
А как посланцу присносущих сил
Тебе повею гнетущую печаль.

Монах

Откройся мне во всем чистосердечно!
Страдальца сводит промысел порой
С тем, в долг кому господь вменил — смягчать, По мере сил, страдания людские.

Евгения

Не жалобы услышишь ты — загадку,
Оракул нужен мне, а не совет.
К двум целям ненавистным два пути

Открыты мне; один ведет направо,

Другой — налево. Так каким идти мне?

Монах

Не искушай меня! Негоже быть

Безвестным жребием.

Евгения

Нет — богоданным!

Монах

Насколько понял я тебя, твой взор

Возносится из бездны мрака к небу:

Иссякла воля в искрушенном сердце,

И ты решенья ждешь от горних сил.

Бывает так, что зиждущая мощь,

Для всех незримо, как бы ненароком,

На благо нам сплетает нить судеб,

Таинственно свою внушает волю

И неприметно к цели нас ведет.

Стократ блажен, кто это испытал!

Но требовать чудес — великий грех.

Нам бог велит хранить надежду в бедах.

О, если б я был послан божеством

Тебе поведать, в чем твое спасенье!

Но голос сердца моего молчит.

И если ты мне больше ничего

Не скажешь, наша встреча бесполезна.

Евгения

Корабль разбит. Страшась свирепых хлябей,

За щепку я хватаюсь. Вопреки

Неверию в спасенье — доскажу:

Я княжеского рода, а меня

Изгнанницей на острова увозят,

Коль скоро я не соглашусь на брак,

Лишающий меня высокой доли.

Ну, как теперь? Что скажет голос сердца?

Монах

Он промолчит, покуда трезвый разум

Свое бессилье не признает сам.

Ты краткие мне сведенья дала,

А потому ответ мой будет краток:

Два ненавистных жребия тебе

Даны на выбор. Взвесь их беспристрастно

И предпочти тот, что тебе простор

Дарует больший для достойных дел

И не стеснит стремленья твоего

Высокому призванию отдаться.

Евгения

Ты в брак мне не советуешь вступать?

Монах

В брак против совести и чувства — нет.

Ужель священник брак благословит,

Когда невесте он — что лечь в могилу?

Не вправе пастырь воссоединять

Несродное для непрерывных распрей.

Стремленье двух сердец в едином чувстве

Взаимную любовь навечно слить,

Пресуществлять порыв мгновенный в вечность — Таков священника отрадный долг.

Евгения

Так за море на муки мне отбыть?

Монах

На утешенье страждущим, как ты.

Евгения

К лицу ли безутешной утешать?

Монах

Отвагу, твердый разум, светлый дух

Мне удалось прочесть в твоих чертах.

Они помогут и тебе и присным

Свой крест нести. И если бог сподобит

Тебя чужие искупать грехи

Безвинностью младенческой твоей,

Как существо из горних сфер, ты всюду

Внесешь отраду, где б ты ни была.

Плыви бесстрашно к островам. Спустишь

К погрявшим во грехах, ободри их

Высоким подвигом долготерпенья.

Могучим словом и усердным делом

Вдохни надежду в робкие сердца.

Объедини блуждающих в пустыне

Друг с другом и сплоти их вокруг себя.

Восстанови, чего лишилась здесь,

Свой род, свой край и княжество свое.

Евгения

Ты в силах сделать, что повелеваешь?

Монах

Я это сделал! — К диким племенам

Я в юности поплыл по доброй воле.

Я кротость внес в суровые их нравы,

Бессмертие — в глухую пропасть: в смерть.

О, если б не поддался я желанью

Напрасному — отечеству служить,

Я мерзости б не встретил запустенья,

Утонченного блуда в стогнах града,

Преступного разгула себялюбья!

Я к месту дряхлой немощью прикован.

Привычкой давней, роком, может быть,

Не пощадившим старости моей.

Ты молода, от всех свободна уз;

Беги от места гиблого! Что днешь

Несчастьем ты считаешь, то поздней

Воспримешь ты как благо. Но спеши!

Евгения

Скажи ясней, чего страшишься ты?

Монах

Грядущее нам предстаёт в ночи.

Ближайшего и то нельзя прозреть

При свете дня ни глазом, ни умом.

Когда я прохожу в дневное время

Неспешно по роскошным площадям,

Гляжу на башни грозные, на храмы

Священные, на мачты кораблей,

Стоящих на причале в людном порте,

Мне кажется: всё это на века

Построено и пригнано. И толпы,

Снующие в трудолюбивом рвенье,

Мне представляются все тем же людом,

Незыблемо в бессчетных обновеньях

Хранящим свой, нам всем знакомый, лик.

Но только в час полуночный в моем

Сознании встает виденье града,

Как тут же вихри поднимают вой,

Земля дрожит, шатаются твердыни,

Каменья падают из прочных стен,

И в крошево, в зыбучий прах времен

Распался город. Те, что уцелели,

Взбираются на вновь возникший холм,

И под любой развалиной — мертвец.

Стихию обуздать не вмоготу

Согбенной, обезлюдившей стране,

И хляби, набегаая вновь и вновь,

Песком и илом засыпают бухту!

Евгения

Обезоружив человека сном,

Пустым виденьем ночь его пугает.

Монах

Ах! Слишком скоро на злосчастья наши

Направит солнце помутневший взор!

А ты беги! Тебя твой добрый гений

От здешних бед упас. Но поспеши!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евгения

(одна)

Мою беду не ставя ни во что,

Предсказывают мне иные беды.

Но разве беды, родине любимой

Грозящие, нам чужды? Так к моим

Насущным мукам страх перед грядущим

Прибавился, мне сердце отягчая

Заботой новой. Значит, правда то,

Что мне шептали в детстве, а потом

Мне довелось от моего отца

И, вслед за тем, от короля услышать?

Итак, в отечестве нам надо ждать

Крушенья строя. Зиждушие силы

Великой родины разобщены,

Не связаны их единившей целью,

Как было некогда, спокон веков.

Распались связи! Каждый помышляет

Лишь о себе одном. Где грозных предков

Могучий дух, который единил

Между собой враждующие силы

И исстари великому народу

Являвшийся в обличье короля,

Властителя, отца и государя?

Сей дух пропал бесследно! Нам остался

Лишь чахлый призрак власти, безуспешно

Стремящийся былое удержать.

И мне уплыть с такой тревогой в сердце

В разгар опасности, грозящей всем?

Мне упустить возможность славным предкам

Явить былой отваги образец

И устыдить гонителей моих,

Придя на помощь им в тяжелый час?

Теперь-то ты и стала мне святыней,

Земля родимая! Теперь-то я

И осознала святость наших уз!

Любую связь с отечеством моим

Отныне почитаю я священной.

Где тот великодушный человек,

Мне бескорыстно предложивший руку?

Ему-то и доверюсь я! Он будет

Хранить меня, как чистый талисман.

Не иначе вершатся чудеса

Здесь, на земле, как по наитью сердца!

Опасностей грядущих не страшусь

И слабости своей я не смущаюсь:

Я верю в благосклонную судьбу,

Ведущую меня к желанной цели!

И ежели отец мой и король

Меня отвергли в час обетованный,

Теперь они воочью убедятся,

Что уцелевшая высоких прав

Достойной оказалась в лихолетье.

Вот он идет! Его я благосклонной

Улыбкой встречу. Ищет он меня,

Чтоб попрощаться, — я останусь с ним.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Евгения. Судья. Мальчик (с красивым ларцом).

Судья

Один корабль уходит за другим

Из гавани. Боюсь, что и тебя

Окликнут вскоре. Так прими мое

Сердечное «прости» и малый дар,

Чтоб скоротать безрадостное время.

Прощай! Взываю к небу, чтоб меня

Ты в черный час не вспомнила с тоскою.

Евгения

Я с радостью приму твои дары —

Залог любви, залог твоей заботы;

Но отошли свой погребец домой.

И если чувств ко мне не изменил ты,

И если можешь сестринскою дружбой

Моей довольствоваться, я — твоя.

Судья

(после недолгого молчания дает мальчику знак удалиться) Возможно ли? В такой короткий срок

Твои ко мне переменились чувства?

Евгения

Они переменились! Но не страх

Толкнул меня тебе в объятия. Чувство

Высокое — о нем пока ни слова! —

На родине остаться мне велит.

Ну, а теперь скажи: способен ты

Безгрешной, чисто братскою любовью

Откликнуться на девичью любовь

И сестринскую преданность? Способен

Защитником мне быть? Мне предоставить

Надежный кров для безмятежной жизни?

Судья

Я все готов снести, за исключением

Лишь одного — утраты той, что мне

Дарована судьбой. Сочту за благо

Жить близ тебя, тобою любоваться,

Служить тебе. Пусть назначает сердце

Твое условия нашего союза.

Евгения

Тебе лишь ведомая, я должна,

Таясь от света, жить в глухом затворе.

Найдется ли усадьба у тебя,

В которой я могла бы поселиться?

Судья

Есть у меня усадьба глухая,

Но слишком ветх и непригляден дом.

Но по соседству расположен замок,

Пустующий уже который год.

Евгения

Нет, поселюсь в запущенном твоём,

Он больше к настроенью моему,

Пожалуй, подойдет. Когда ж воспряну

Я духом, будет чем заняться мне.

Как только я твоею назовусь,

Отправь меня с слугой надежным в глушь

И там на срок меня похорони,

Пока для лучшей жизни не воскресну.

Судья

Когда тебя я мог бы посетить?

Евгения

Покорно жди, пока не позову я.

Придет и этот день и, может быть,

Соединит теснее нас обоих.

Судья

Не легкий искус, что и говорить!

Евгения

Исполни обязательства свои

Передо мной. Свои я помню твердо.

Ты, руку предложив мне, посягнул

На многое и можешь пострадать,

Когда меня досрочно обнаружат.

Строжайшее молчание храни.

Кто и откуда я — о том ни слова!

И с теми, кто мне дороги, я буду

Лишь мысленно общаться. Ни письма,

Ни вестника я не пошлю туда,

Где, может быть, уж искра счастья брезжит.

Судья

Запутанное дело! Что тут скажешь?

В любви безумной наглые уста

Клянутся часто, хоть на дне души

У них дракон лежит, коварно скалясь.

Любовь лишь делом можно подтвердить.

Стремясь к тебе, я должен поступиться

Всем, даже счастьем быть с тобою? Пусть!

Какою в первый миг ты мне открылась,

Такой ты и осталась — существом,

Достойным преклонения. Я стану

Жить для тебя, служить тебе одной.

Как набожный священник день за днем

Пред божеством склоняется незримым,

Ему открывшимся в счастливый миг

Как совершенства высший образец,

Так и меня ничто не отвратит

Служить тебе, хотя бы и заочно.

Евгения

Чтоб доказать тебе, как верю я

Словам твоим и доброму лицу,

Как чувствую, какой ты человек —

Правдивый, чуткий, искренний, надежный,

Я подтверждаю признание образцом,

Едва ль не высшим, женского доверья.

Я не колеблюсь, я спешу сказать:

Веди меня сегодня ж к алтарю!

Комментарии

В автобиографических «Анналах» Гете записал под датой 1799: «Мемуары Стефании де Бурбон Конти возбудили во мне замысел «Внебрачной дочери». Ф. Шиллер первый указал Гете на появление двухтомных записок французской аристократки, вышедших в Париже в 1798 году. Мемуаристка принадлежала по крови к высшей французской знати. Она была побочной дочерью принца Конти (1734–1814), отличившегося в Семилетней войне. Он представил дочь ко двору и просил Людовика XV узаконить ее положение. Однако мать девочки, опасавшаяся за свою репутацию и положение при дворе, стала чинить этому всякие препятствия. Девочку заточили в монастырь, затем отцу было послано ложное сообщение о ее смерти. Подделав документ и выдав ее за восемнадцатилетнюю, ее усыпили и в бессознательном состоянии обвенчали с адвокатом Билле, впоследствии истязавшим свою жену, которая отказывала ему в возможности воспользоваться ее спорными привилегиями. В конце концов ей удалось бежать. Новый король, Людовик XVI, приветливо принял ее, но ничего для нее не сделал. Когда началась революция, Стефания-Луиза Бурбон-Конти продолжала безуспешно бороться за свои поправные права. Жизнь ее, полная бедствий и страданий, закончилась в 1825 году. Зная, что она жива, Гете, работая над драмой, изменил имя героини, а остальные действующие лица обозначил лишь титулами и званиями.

Работа над пьесой длилась с перерывами около трех лет. Она была закончена в первые месяцы 1803 года. 2 апреля того же года в Веймарском театре состоялась премьера. Первое печатное издание вышло в том же году.

«Внебрачная дочь» была задумана Гете как первая часть трилогии, однако написал он лишь эту пьесу. Сохранившаяся схема продолжения и отдельные заметки позволяют составить общее представление об идее трилогии. Она должна была дать обобщенное изображение страны, охваченной революцией. В «Великом Кофте» и «Гражданине генерале» события, предшествовавшие революции, и ее отголоски в Германии были освещены в комическом плане. Трилогия должна была поднять сюжет на высоту подлинной трагедии. Если «Великий Кофта» — комедия о разложении старого режима, то «Внебрачная дочь» — трагедия о жестокости и несправедливости феодальной сословной монархии. Продолжение должно было показать, как все более усугубляющиеся несправедливости и разлад в среде правящей верхушки делают неизбежными сначала возмущение, а затем и активные действия угнетенных против власть имущих. Гете интересовало отражение великого исторического события в судьбах отдельных людей. Падение старого режима должно было быть показано в пятом акте второй части, где граф, воспитательница и другие лица из аристократической среды оказываются в тюрьме. Сама Евгения переживает личную драму. Судья, с которым она соединяет судьбу в конце первой части, становится на сторону борцов против монархии, Евгения же посвящает себя защите старого порядка и его приверженцев. Об окончании трилогии судить нельзя, ибо об этом не осталось никаких записей Гете или рассказов близких ему людей. Когда в 1831 году его друг композитор К. Цельтер напомнил ему о его планах, Гете ответил: «О «Внебрачной дочери» я и думать не хочу; неужели Вы хотите, чтобы я вызвал в себе мысли о том неприятном, что с нею связано?» В другом письме Цельтеру в том же 1831 году Гете повторил признание, ранее сделанное им Шиллеру: «Я не рожден быть трагическим поэтом, ибо по природе склонен к примирению. Поэтому (так комментирует он свое давнее признание. — А. А.) чисто трагический случай, исключая примирение, не может меня интересовать, к тому же в нашем внешне плоском мире все непримиримое кажется мне совершенно абсурдным». Но главной причиной незавершенности трилогии было, конечно, двойственное отношение Гете к французской революции.

Несмотря на то, что Гете не завершил трилогию, «Внебрачная дочь», несомненно, представляет самостоятельный интерес. Драматургия нельзя рассматривать как бытовое реалистическое произведение, с такой точки зрения ей можно предъявить упреки в немотивированности поведения некоторых персонажей. Сюжет послужил Гете поводом для создания произведения обобщенно-символического плана. Если в «Геце фон Берлихингене» и отчасти в «Эгмонте» поэта увлекала задача живого конкретного изображения исторической действительности и он любовно выписал детали, то во «Внебрачной дочери» единичное и частное уступает место общему, типическому, символу. Французская монархия накануне революции не была для Гете отдаленным историческим прошлым. Всего десять с небольшим лет отдаляют «Внебрачную дочь» от последних дней старого режима во Франции. Не частности, не детали близкой Гете эпохи интересовали его, а осмысление исторического процесса, совершавшегося на глазах поэта. Поэтому Гете уходит в обработку мемуаров принцессы Бурбон-Конти от бытовых и авантюрных мотивов, стремясь создать героев столь же обобщенных и законченных, как герои античных трагедий. Именно на них равняется автор «Внебрачной дочери», и это объясняет, почему Гете отказывается от воспроизведения бытовой речи, создавая драму в возвышенно-поэтическом стиле. Поэтическая сила оригинала, звучание гетевского стиха позволяют говорить о значительности этого сравнительно мало известного произведения Гете.

... счастье одарило // Тебя куда щедрее, чем закон. — Имеется в виду, что законный сын герцога не принес ему такого счастья, как незаконная дочь.

Иль вы, на острова ее сошлете? — Речь идет о заморских владениях Франции в Карибском море.

Вы, реки, затопите берега! — Символическая картина грядущей революции против феодальной монархии.

... крылом орлиным уподобясь... — В Древнем Риме, когда подвергали сожжению труп скончавшегося императора, над костром выпускали орла, что было символом души, возносящейся в небо.

...Все взоры на тебя обращены... — Ввиду того, что король бездетен, престол должен перейти к боковой линии королевского рода — то есть к герцогу и его наследникам.

...бумагу эту, // Способную лишь возмутить меня. — Король подписал указ о том, что Евгения отдается во власть воспитательницы. Подписывая указ, король не подозревал, что законный сын герцога воспользуется им в корыстных целях и во вред Евгении.

...И распря двух воинствующих станов // ... // Открыто вскоре выйдет на простор! — Гете здесь не первый раз прибегает к приему подготовки читателя, намекая на грядущие события.

Губительный могучий талисман... — Речь идет о том же королевском указе, отдающем Евгению во власть воспитательницы.

Лишь в тесном круге подчиняем мы // Законности... — Здесь и далее Гете раскрывает подлинный характер законности в деспотическом государстве: суду подлежат только подданные, тогда как вышестоящих суд не имеет права касаться, и преступления, совершаемые властью имущими, остаются безнаказанными.

А. Аникст